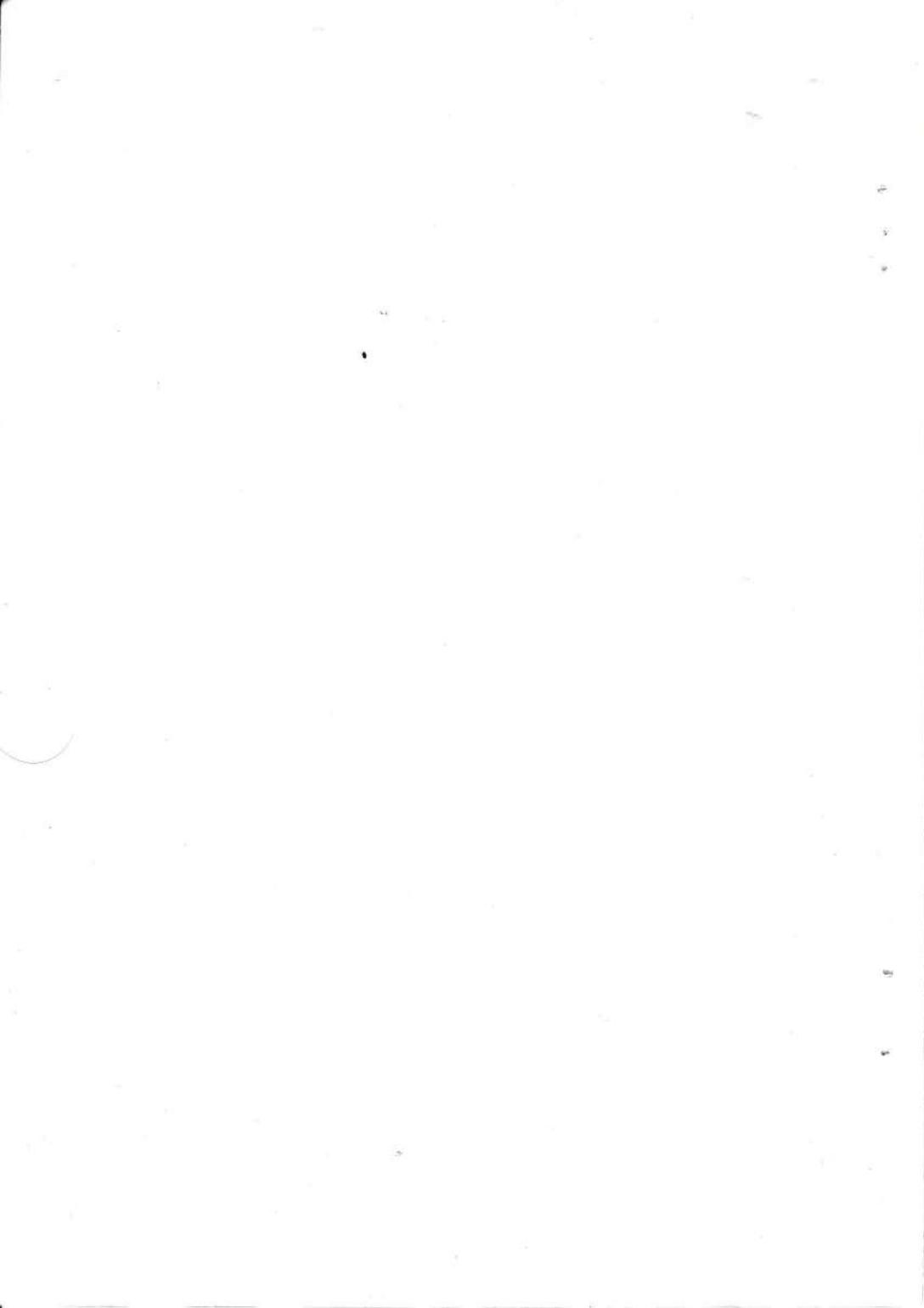

Всеволод Некрасов

ДОЙЧЕ БУХ

«ВЕК XX и МИР» МОСКВА 1998

*В войну никто не любил немцев,
А вообще люди их любят*

Михаил Файнерман

Д О Й Ч Е Б У Х*

* См. примечание через одну страницу

еэжкспроортт иимппроортт

ТТЕЕХКСТТ

иимрпроортт эексппроортт

МОСКОВСКОЙ ФАЗЕ ФЕСТИВАЛЯ "HIER UND DORT" В БИБЛИОТЕКЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ /май 91 г., по магнитофонной записи/.

...Всегда старался, как сказала С.Хенсен, держаться поближе к элементарному, понимая элементарное как фундаментальное.

И на этой-то почве, можно сказать, фундаменте и повстречались мы в 83 с приехавшими сюда Сабиной Хенсен и Георгом Витте как с авторами. Я не знаю немецкого языка, к сожалению,* - но в том-то и дело: тут как раз тот случай, когда вроде бы и язык знать не обязательно. Оказалось, что как я старался пройти свою часть русского языка до какой-то границы - или до какого-то, как я его понимаю, основания - какого-то упора - пройти язык - до чего? - до речи, наверно, - до его речевой основы - так и они как бы старались со своей немецкой стороны проделать тот же путь. И когда я увидел их стихи, мне показалось, что по-немецки я понимаю.

И много положил стараний, чтоб уговорить их просто выступить как авторы. К сожалению, ничего у меня не вышло и на нашем фестивале - как в Германии в 89 году, так и здесь. А если бы они прочли свои стихи - не надо было бы и таких предисловий.

Но, раз нет, так нет. Скажу только, что эти стихи - или не знаю, что это такое - но начал я писать это в основном в 83 году как бы в ответ Георгу и Сабине. Сабина и Георг писали - не знаю, может быть, пишут до сих пор - они это старательно как бы скрывали - под псевдонимом SA GE - САБИНА ГЕОРГ - как коллективный автор.

Первое, что и познакомило нас - такие мои стихи - действительно почти на немецком языке (года примерно 80-го):

айн цвай драй

айн цвай драй фир фюнф

айн цвай драй фир фюнф

зехс

зибен

нихт

И оказалось, они пишут что-то похожее. Например, z e l l e w e l l e - не знаю,

* Да, мне говорили, что правильно д о й ч е с, а то и д а с д о й ч е б у х. Но это уже выше моих возможностей. Мое дело по силе этих возможностей соответствовать как бы Д О Й Ч Е Б А Н К У. А он же не д о й ч е с, что я тут могу сделать?

что это, но, по-моему, и так понятно. Или: ахтунг ахтунг нахт - и не зная по-немецки, сразу видишь, в чем тут дело - такой лексикой владеешь. Большинство русских читателей, думаю, это поймет. И начали мы обмениваться такими стихами. Для начала было что-то:

- Самиздат?
Was ist das
самиздат?

Сабина
сразу сообразила

Георг
думал
но недолго

Или такое:

Was ist das
Das ist Kunst

Gott mit uns

- рецензия на какую-то акцию Андрея Монастырского, которого мы, впрочем, как автора очень ценили, да и ценим сейчас.

Еще про художественные дела:

Эх ма

Унд Аймермахер
Энд Арманд
Хаммер

(Или вот про выставку Юнкера - хотя это потом, позже:

Sehr Gut
Gunter Uecker

Günter Uecker
Danke Sehr

человек из СССР
(подпись))

Потом это стало сростаться во что-то более-менее связанное:

на улице
на улице
нойцеллеллелле

Целле велле

И телевидение

И цветное

Целле Велле

вольному воля

более
или менее

или более

(Это я привел Георга и Сабину с портативной, невиданной тогда нами TV-аппаратурой в мастерскую к Булагову и Васильеву)

achtung
achtung
nacht

ахтунг
ахтунг
нахт

так-то оно так
однако
и форзихт форзихт

а то опять это
дихтунг дихтунг
нихт

- Dichtung dichtung
doch *

тут
некоторый вдох

дох

дох
это бы конечно
неплохо

Стихи 83-84 года, обстановка была нервная, поэтому и стихи - романтического отчасти характера (vorsicht - осторожно, dichtung - поэзия, doch - частица усиления).

на улице
на улице
nun erzählen sie mal * *

вы сказали
зима на улице
вы хотели сказать
зима не зеваает

все правильно

москва и зима

naturlich
унд рур
унд фрюлинг

а бляу грюн
кто не любит

и я люблю

я и говорю

рот цу браун
браун цу шварц
шварц цу грюн
унд аллес цу рот

унд унтершрифтен
фон дем грюнен
грюнен унд грюнен
фон А
фон Wo
фон Sa и фон Ge

что за зелень
что за зелень на Западе

закат
это ли не фон
фон Гюнтер Грасс
фон Макс фон дер Грюн
фон Маргарет фон Тротта

хотя кажется
он не такой уж закат

NUN-ну ну

не будем загадывать
но будем думать

свобода да
свобода есть
и свобода предпочесть
несвободу

не то какая же она будет
свобода

да

но несвобода
она
уже не будет свобода
пред чего нибудь почитать

обратно
выхода нет
не то какая же она
несвобода

кстати сказать
так и с жизнью

как мне быть
мне жить
нет
должна же все-таки быть
и моя воля

Jawohl
как говорит Коль
как и Бёль

Mes amis
Bitte Sie
от себя
а за собой
не зовите

не говорите за меня
Please
главное
и нам здесь
не завидуйте
мызамир

главное же
вы
явно
лучше
это умеете

и живите

даже
я живу

* реплика G.Witte

** его же

<...>

*У попа была коза**

Хайль Гитлер

(военный детский фольклор)

**так*

была коза

или только так показалось?

DEUTSCHLANDREISE

(путешествие в Германию

и обратно)

Deutschland

Reise

I

* * *

гаинственный Берлин
берлинственно стоит

и мы стоим

СТОИМ И СТОИМ

С НИМ МЫ

МЫ СТОИМ

СТОИМ МЫ СТОИМ

СТОИМ СТОИМ

СТОИМ

СТОИМ

МИМО

* * *

оп па
и уже и Европа

и неужели Европа

пропали оп

и пожалуйста оп

а пока поехали эх

HIER UND DORT

хир унд дорт

на три четыре стороны
света

в относительной темноте

рур

универзитет-
разуниверзитетштадт

тут

бохум сам

там эссен

и весь

собственно и есть

мир видимый

который тут хир

ландшафт и дальше там

ландшафт на ландшафт

бывшие шахты

туда дорт дортмунд там

а там

дюссельдорф

и что ни город

то

орднунг

если хир ист ост

наверно дорт

норд

и вест

соответственно

некоторый мороз фрост

в воздухе

дас ист

да как

даст

как даст рассвет
им дер ост фенстер

убили немцы

мерседес

БЕНЦ

хир у них

каспар давид

фридрих

а дорт

никак

сам

густав

альтдорфер

георг

георг

дорогой

день добрый

гутентаг

георг

георг

гутенберг

и унд

гагенбек

* * *

вдруг
русский человек

русский человек
вдруг как выскочит

трудно сказать
скорей всего
чисто случайно

* * *

ACHTUNG
ACHTUNG
NACHT

Хуштадтринг

тут аллес гут
тут аллес ист рихтиг

и химмель унд грунт
и небель им люфт
унд дох-гибидох

Забинхен

Забинхен
морген
марш нах Хауптбанхоф

фом Бохум
цу Оберхаузен

унд Дранг Нах

GRAND PRIX!

* * *

холодно
там холодно нет
но как никак

декабрьский денёк
какой-никакой
в Кёльн
едем мы так

и мотылёк

вот когда
вот это действительно
это
das ist unmöglich

в Бохуме туман это туман

* * *

и хоть ты что

ну что ну
вечнозеленые
кустики тут
ну Hustadtring
точно

но они вечно
но не очень зеленые

ну а у нас таких вообще нет

в общем-то. в общем зачете.

* * *

Бёлль

Коль

Холин

Бонн

bahn

bahn

Кёльн

Rhein

и какой он

и какой он был

дело тонкое

одеколон

не только одеколон

католики

тут

и не только католики

тут потомки католиков

опять-таки

и потом

далеко не только

да коли мы

и то

как-то так

тут

как дома

вот ты

кто ты такой

* * *

айн цвай
кельн бонн
рейн майн
майнц
драй \1 фир
если не ошибаюсь трир
и даже кажется кобленц
кажется
и кажется да
как всегда
кажется
никаких проблем
с немцами
кажется что мало они
всем этим
и занимаются
там
немцы
не немцы
им все равно
это нам
интересно
интересный народ
не народ
а люди
вроде бы и народ не народ
а одна какая-нибудь
интеллигенция
немцы да немцы
немцы да немцы
немцы да немцы

где милиционер

есть и милиционер
здесь милиционер

пригов

* * *

эссен гут
или эссен ист гут
так сказала
так сказать
альзо шпрах
алиса в городах
и вим вендерс

и действительно так
уверяем вас

эссен
а если эссен и тринкен
тринкен
вундербаар
вундер бар ресторан "Егер"
разумеется
ну и музеум
музеум ну
здесь мы прямо свидетельствуем
и мы там были
я там был
айн момент

на айн момент
но мой момент
майн

о найн найн найн
извините
извините зи
извините за
зи мир битте
но я там был
я-то помню
момент был мой
а не рубинштейна

верней наверное
сказать так
никак
никак
не менее мой
выдался момент
нежели и рубинштейна
и пригова

* * *

айн фольк
айн ланд
айн марк

айн момент

найн найн
найн
найн

нох айн момент

айн
айн
айн
айн триллион марк

ай ja ja ja ja j

да ладно ай
нормально
нормальный ай
нормальная германия
ja

сами они там всё знают
давай им только
цвай драй \2
раз два и это всё тут
расцветает
всё надраено здесь

Владимир Кондратьев
специально для Те эС эН

* * *

Германия
а не шахер махер
дох тибидох
прости господи
дорогие мои
драй цвай айн\ 3

мораль
мораль

райх
райх это наверно неправильно

но рай

это нормально

что значит

альзо шпрах
альзо махт

спрашиваешь

спрашиваете
отвечают

- арбайтен
Яшин *

арбайтен Яшин
арбайтен

так

а альзо кто же это так
шпрах
про наших-то?

а -

альзо

шпрах

Беккенбауэр

* Из воспоминаний Яшина: матч ветеранов, они в одной команде с Беккенбауэром, и тот через плечо его поддразнивает.

* * *

это что это что

это всё это всё

всё и больше ничего

всё и больше ничего

и всё очень хорошо

и всё очень хорошо

всё

если не возражаете

если не возражаемте

всё

что надо

что нам надо

что бы то

ни было

что б то ни было

ландшафт

и масштаб

масштабы

Бохум Бохум Бохум Бохум

и мы

сбоку

Бохум Бохум Бохум

и мы

сбоку Бохума

и мы

думаемте

это мы молодцы

не думаете

это нам повезло

* * *

о русская душа

и ты уже

в Drechsscheibe

на Cortumstrasse *

там ты знаешь что

там Черт знает что

/и жизнь хороша

и жить хорошо

нигде кроме

как в моссельпроме

да в жизни
никогда в магазине
в мосторге военторге
восторги масс
ЦУМ
ГУМ
Dumkopf
Und
Zum Teufel/

* А как ты думаешь
а толку-то там

нам
там
толком
только BRINKMANN

* * *

ты из Германии гуманной
привез чего-нибудь плоды

чего-нибудь

чего-нибудь привезли

телевизор

* * *

иллюминация
милые мои

целыми улицами
полными людьми
видимо немцами
судя по всему
тут по-видимому здесь

любой день
вечером
да и днем
день победы
типа

это по минимуму

как это

а так
сумели суметь

сбегали
к себе туда
куда надо

тому назад
в какой надо год
нашли ход
способ
смогли чего-то там сделать так
что немцы
все все все все в цивильном
и никак не сказать
сделали вид

а сделали так
сделали так что
кто погибли
ни за что
ни за что и не скажешь
что ни за что
вот за вот что
главное
и кто не за то
погибли
не за то
за что думали
поняли

а тут

рай

ја ја ја ја ја

пеіп пеіп пеіп

этого не надо

не надо так говорить

рай

не рай

это все неправильно

все сравнительно относительно да

я знаю я знаю

относительно

но относительно нас

сравнительно с нами

рай

сравнительный и относительный рай

и правильно

я и говорю

сравнительно

и относительно правильно

кто?

јаја?

я - нет

пеіп

по-немецки я нет

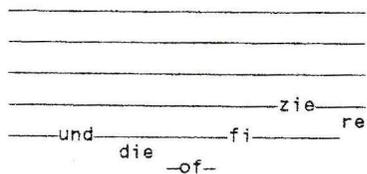
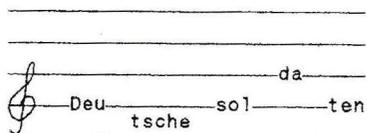
и не говорю

но я говорю смотрю а

не по-немецки

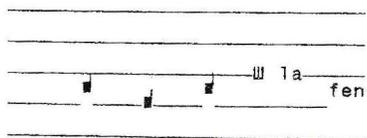
я

не понимаю

- Wa - as?!.

- Гос-поди, да а у нас-то
Schto

Schlafen

* * *

Ich
Bin
Neben Biennialster

А за Биненальстером

За Биненальстером
Sabinenstrasse

Sageplatz
Kulturpalast
Literaturclub

Броусек
Антонин

Schwänenwick

Alle Manen

Allemanen
Allemanenallee *

zu
AufWiederSee

авось
авось авось
и увидимся ведь

здесь
не здесь

а всё

может быть

*/ A AM ABEND там -
 AM ABEND прямо беда
 чудеса с ABENDами

Was ist zellewelle?
 Wo ist zellewelle?

Das ist zellewelle.
 Zellewelle ist hier.

Zellewelle im Allemanenallee

1. ALLE ALLEMANENALLEEN AM ABEND
2. ILLUMINATION

(это нет не я не вы виноват
 нет это уметь не нет понимать
 не по-немецки не иметь имеет
 значение. Нет немец это имеет
 значение. Не имеет значения
 немец или вы нет. это.)

(zelle welle

und

neue zellewelle

und

neue neuezellewelle

в лице

(der
gute alte neuie zelle welle
die das

der
gute alte neuie zelle welle
die das

der
gute alte neuie zelle welle
die das

(Sa

Ge))

(((.)))

* * *

ropa dec
uber alles

Schweebahn
Uber Wupper

Stadt
Uber Schweebahn

Annie Annie und Annie
Uber aller Wuppertal

(Annie,
Annie-Isabel
und Annie-Lulu - u
это люди)

Ани - это люди

* * *

где
мы

где
Германия

где Германия а где мы

а где

мы где
и мы где Германия

где-нибудь

где-нибудь в декабре

едем
видим едем
видим где едем

оврагами Германии
и горами
Германии
дорогами
между городами
Германии
по одним

и по другим берегам

типа

и по городам

и по городам

и по городам

и по городам

типа

Strass'nbahn

страшное дело

что это такое

а что

что это такое

окошко

а это что

еще такое окошко

такое же

какой-то город

а какой это город

такой

всё

на скорости

скоро уже всё

скоро

скоро

скоро скоро скоро
скоро
будет хорошо
скоро будет здорово

скоро уже
и Рождество

это
а это что

шторы
с лампочками

чего уж там

конечно уж тут
лучше
живут

в Германии

шутка

лучше тут
а мы лучше там

мало ли чего

лучше и вообще

это почему

с чего бы это нам
да и чем
почему
мы будем лучше

вообще

не думаю

но думаю

что ни было бы там

а вообще

дома бы нам быть

лучше бы

почему

дома лучше

почему-то лучше

жить там лучше

нет

там не лучше

жить

а лучше быть там

* * *

кое чего \1

а чего такое

считается

что когда еще

да и вообще

1/ Deutsche *

Deutsche

Deutsche да

и чего

Deutsche

дождичек

* Danke

да

а что

Danke Schon

да

это уж точно

* * *

Внимание! Внимание!

На нас идет Германия!

(военный детский фольклор)

Сверкания

идет

Германия

это я понимаю

издали

поглядеть

и не издали

поглядеть

поезд

едет *

энергия

энергия

сверк

да сверк сверх

там

нам

и отсверкивается **

как я понимаю

Германия ***

по своим берегам

(Бохум-Эссен-Кельн-Франкфурт-Гамбург)

(пятница суббота воскресенье понедельник вторник среда четверг)

* и опыт показывает

** как это называется
fachwerk
это называется
фахверки

(*** да -

даже не место - не маленькое место Германия - но все равно сегодня может быть не так место как немецкое такое видно свидетельство можно бы себе бы представить его как могло бы предъявить человечество в доказательство как бы что что вот и оно стало быть действительно в принципе может быть имело бы шанс способно было бы стало быть быть чем чем человечеством просто способно быть

сейчас
ночью)

1/ айн цвай драй
никто это и не отрицает

2/ айн цвай драй
цифры цифры цифры

3/ драй цвай айн
нравится ну и на здоровье

DEUTSCHLANDREISE
(путешествие в Германию
и обратно)

Deutschland
Reise
II

* * *

В Бохуме туман это туман

то ли дело летом

So So

Sonne Sommer

цветы

немцы

цветные немцы

тут stadt

дальше landschaft

то

что надо

RUHRUNIVERSITÄTSTADTBUNDES
REPUBLIKDEUTSCHLANDSCHAFT GUT

Гут * и слава Богу

Warum Бохум
Почему Bochum

Потому что
Darum Рур

* Gut и слава Богу тут Gut

* * *

Vochum Vochum

Бохум и Бохум

ходим Бохумом

ну и кому туг у них

плохо

пока похоже что-то

что никому

Erster Factor

Vater

Zweiter Factor

Mutter

Dritter Factor

а не Мартин ли Лютер

Guter Alter Münster

Бог

Умный Бог

У них

I Boch lübit umnych

*/ТО ЕСТЬ ЧТО ЕСТЬ БОГ
БОГ ЕСТЬ ЧЕСТНОСТЬ/*

* * *

Европа

правда

Европа а

Европа

а какая природа

полдень и жара

ветер и гора

Рейн

и Лорелея

а если правильно

Rhein *

Loreley **

* реальное явление

** более чем

реальное явление

а Россия Лета

Слава КПСС

/а на скале Loreley кстати написано так и написано LORELEY

И неровён Rhein

/nein nein ja ja я и имею в виду Рейн я не имею в виду Рейна, Наймана, //

* * *

и вот она и Великая

кто скажет
что не великая

кто так скажет
а кто
так скажет
не велика скажет

не будет враг
Великой Германии
никакой

а дурак будет

* * *

Рюм
Мон
делают ремонт

сделали и живут
вот

а мы смотрим-то
у нас-то смотрят
куда

как
жили господа
какие же господа были
как питались
и скажите пожалуйста
ничего питались
и писали стихи
и ежели писали стихи

стихи писали
исключительно же
благороднейшего же типа
стихо сложения

(Рюм, Мон;
/фон - Бремен/)

где

ведь и действительно где
сестеньки да посидетеньки здесь
на доске надо сказать
солнышке солнце
лестнице
на обыкновенном бревне
если да если не
во вполне
более чем вполне в городе
вольном городе Бремене
на реке на Везере
где
у реки Везер
земляной берег
бережок

не это so
то что же это тогда за so
so so so so so
за такое совершенно такое же и на Везере здесь и здесь и везде
езде
здесь

и в музее

* * *

Ляйпцигершиферкрыш

крыш

под котрым так хорош
в дождь
деревянный пол

по которому
так по-немецки не холодно походить
босиком по-русски
все-таки
хоть и в корейских носках

/В альбом * хозяину **

* которого нет

** которого мы почти не видали/

* * *

а это что за человек
а это
русский человек

чего он тут делает
а он
не понимает

жить
и никому не назло

же ведь
и самому не назло

ein bier zwei bier
drei bier vier bier

bier bier bier bier
bier bier bier

also also
а вот и альзо тебе *

удивительно
живут ведь
вроде вот
и не во вред
а на пользу

* / нельзя
без этого
а нельзя
без этого нельзя нет

без некоторого
алкоголизма /

* * *

Доннерветтер

с некоторым трудом
но все-таки выговорил наконец
Кизевальтер

* * *

Поехали
Nach unser lieber Berlin
Хоть увидим
Unterdenlinden

* * *

Прокати нас, Петруша, на тракторе
/Популярная была песня/

В цену колхозного продукта заложена
стоимость поездки на тракторе за водкой
/ Е.Т.Гайдар/

вальды да фельды
фельды да вальды

дойчланд
и дойчланд
и достаточно различные дойчланды

тоже

и петеруша при тракторе
благодаря чему тут петеруша на травке
гюнтеруша и вальтеруша
тут же
слушайте ну наши же люди наши
родные души

дойч дойч
да не очень
не очень дойч
дас ист дойч-то дойч
но абер здесь это ист ост
ост дойчланд *

то есть это у нас и есть
тот самый случай
когда как это говорится сейчас

не просто просто всё
а всё
очень просто

* и естественно соц

* * *

действительно
тут разная дребедень

а вот здесь
один день в дрездене

что-то
что дано

то
что надо

нойштадт

и ну и что
это

нойштадт
то-то и оно
что

бывшая жара небеса фарфор вечер шар хороший шар большой шар больше и больше шпиди тишина дома трава трамвай мостовая военная моя пустая москва детства да да нет какая москва знакомая нельзя сказать не знакомая но всем свойственная присущая всем присутствующим и из карниза из каприза береза по всей видимости во всей очевидности за период после строительства социализма паразитально выросшая и судя по всему очень похоже первый раз в жизни нойштада. Нойштадта.

Это уже что-то и наше -- видится родное -- то-то и оно
что

тоже ему очень идет - - - еще однако и потому
что

не будет этого - и тоже хуже не будет

И можете быть уверены - - убеждены - - этого уже нет

И что-то новенькое еще но такое новенькое что уже давно давно новенькое
- - такое вот - - - вековое

Но и но - - Но и еще что-то - - Нойштадт

Думаю что и не одно

* * *

книга книга книг огни огни огни городов европы где не городов нет берлинские как все-таки как бы наиболее близкие из немецких и в них w pich и мы поучаствовали и у нас свеча в стекле на столе на воздухе в кафе во дворе аж на фридрихштрассе штрих штрих фридрихштрассе штрих штрих пунктир пунктир * фридрихштрассе нихт нихт кайне шталиналлее одер айне кляйне адольф хитлер шале шик шик шлюх шлюх фридрихштрассе где-то может быть уже и излишний штрих возможно хорошо а что а что а шпик шпик шпик шпик штази хуже ли неужели опять же хорошо есть где нас нет собственно говоря не до нас здесь но достойнейшая гостеприимная Астрид педагог преподавательница русского языка или русского языка и литературы ясно никогда сказать так не скажет это здесь нам нам на преЙсише за преЙсише шпрее шпреехен ди шпреехен зи фридрихштрассе фридрихштрассе да унд доЙчешпрахе и если этот данный дас да не ист истинно немецкая рифма то тогда вас ист это дас у вас was я ја вас спрашиваю прошу извините нас еще раз дер ди дас александр плятц плятц плятц унд цванциг унд зибциг јаен ја я слушаю was слушаю вас в смысле русского языка и литературы относительно нас здесь где были некоторые перспективы стали свои проблемы знаете ли появились известные затруднения создались препятствия своего рода да да нам ли и не знать где где их нет проблем где мы там проблемы у всех чего-нибудь нет то есть поискать так надуться так поискать так найдутся свои плюсы будем надеяться или какие-нибудь есть может быть lapsusy недостатки в смысле то у нас то у вас чего-нибудь да недостаёт девяносто второй год такого как тут у вас по совести сказать у нас где пива вот и всего смотрите но вот вы говорите у вас есть проблемы относительно русской литературы а у нас что есть у нас если есть что-то то есть то у нас есть русская-то литература собственно чего мы и здесь что собственно говоря и надеялись бы мы доказать во всяком случае засвидетельствовать так сказать удастся если или не подвернется если у Астрид чего-нибудь поинтереснее станет Астрид преподавать нас как-нибудь авось а как здесь авось по-немецки какой может быть авось у pich никак нихт умные какие Бог даст запросто и вас ист и не вас ист а wo wo ist это воистину ист Астрид Астрид ист Астрид у вас здесь посидеть прекрасно было просто прекрасно остается только не ждать и не надеяться ни на какое издательство да обстоятельство да и вас ведь ист действительно дас издательство варум умное издательство у вас нас издас здесь кому это даст что да и стоило бы стало бы оно делать что-то-либо-кое-нибудь здесь таки таки да да и с какой стати просто просто так так вот вот дает эфдейот эффект эфдейотишер дер эфдейотизмус беобахтер фолькишер зер зо зо зоц зоц зоци зоци зоциализмус доЙчер крeкс лекс фeкс не факт не факт факс пресс стресс экспресс эксцессионизмус унд дер ундер грундер нур фюр зер зер зер зер зер зер зер зер гройс-гройс-гройсшиер гройс грeнц бенц и перепереоценка цeн айн двай драЙ herein nein neun zeun маркс энгельс мориц макс швeпс шнапс

Россия

... а теперь и смотрите

Россия
руссофобия

Германия
германофобия
наподобие

такого же чего-нибудь там

о чем только

не чета нам

сколько

лет полста они

и извините пожалуйста

ни ни ни ни ни ни

и сравните

и хотите прикинемте

нет

а прикиньте прикиньте

- а. с чего бы это мы
- б. к чему бы это нам
- в. как
быть или не быть как бы
- г. и почему бы и нет

* * *

Рурбасс
говоря по-русски

и сразу
образ
и образ вроде бы
не совсем тот
несоответственный

нихт уже тут
никаких шахт
так только
протекает
река Рур
Рур
впадает
в Рейн
Рейн впадает
в мировой уровень

трубы-то растут

растут
да это все тут
postindustria

то есть
одна видимость труб

установки
для обычной очистки совести (высоко
специализированной и весьмаинтенсив
нопрогрессирующей почти что собстве
нно говоря чисто западногерманской
отрасли промышленности эпохи попрос
ту опять сказать тут postindustriin)

но и трудности естественно
есть

но есть и немцы

то есть
но
немцы трудятся
ну немцы стараются
усиливаются
напрягаются
держатся
и удерживаются
удерживаются
и не гордятся

не гордятся немцы
всем
тем
что они немцы

немцы
а эти немцы
они
антинаци
антиамбици

немцы а не мы
немцы а мы нет
немцы а мы не
немцы

именно
и это у нас
амбици наци

а амбици наци
одна цена

одна цена
геноцид

геноцид генацвали

генацвали геноссе
господин товарищ

KEMNADE

слыхали ль вы мы
про холмы рура
по-моему
и слыхом не слыхивали
скорей скалы рейна
но скалы рейна
они и есть скалы рейна
а плохо ли
пологий пологий
холм холмы
по холмам
бохум
бохум бохум
и бохумы

а зато а рейн как бежит

(а зато а рур как лежит
так и рейн вряд ли умеет
умеет
где например
мы не видели)

как будто это тут
дело рук

тут
другое дело

кругом
а по берегам там
так
темнота

а так
на тебе

да и то

не так темнота
как там она
кстати
да
как там она там
над кемнаде

над кем бы там
над кем
попрокатываться
иногда
надо бы так
с горки на горку
на байке вечером
спасибо георгу
с бугорка на бугорок
уголок луг
длинный круглый угол

ни над кем так
как над кемнаде

объехался а что а как
все объехал
хоть и не все
но объехал ничего
хорошо объехал

река
Ruhr
пир
одни берега

конечно
раньше рур
больше был
наверно шире был
наверно же выше
рыл рыл русло
и почти вышел весь
почти и нету
ничего тут воздух течет

в бассейне рура
уровень всего ничего
нормальный уровень
воздушный бассейн рура

труды рура тут
и тут
плоды трудов рура
хотя бы в виде вот
хотя бы и труб

ушел рур
в рурское русло
долину рура
в унтергрунт рургебит
во всю его рургебитскую силу

в инобытие
да
но и в кемнаде

как оно вытянуто-то

наподобие
наподобие как-то
как-то
как кто

вот вы и подумайте
типа

это тут

ртуть

это немцы любят

преувеличивать
даже и не всегда убедительно
преувеличивать
подобные вещи
от этого-то им возможно и

лучше жить

вечером
такой тут
форум варум
одних
культур
культур
культур тут

это кем надо быть
надо быть кемнаде

KULTURPLAST
на KULTURPLASTE

подумайте
подумать только
опять
подумать
надо бы
над чем
над кем
над кемнаде

надо же
как вода не темна

как будто
это тут не туда
пошли поехали
не за те холмы

когда
где
на заре человечества
и нечего
и значит и было

почему
варум да варум

умные мои
да чего тут
думы-то тут
думать
да чем
думой думать
да воровать
воровать
воруем
воруем
и вот и он и нам
и дарум
чего тут трудного
подумать
выборы
вы подумайте
выбор

выборы как опять
так капут
как будто

а тут

и выборы выборами
и опять в рейне рыба

и комары
комарады
комарады это не я
левин говорит
комарады
комар и меламид

и видно вид
знакомый
и милый вид
спокойно сделанный
спокойно сделанный вид
на комара
и на меламида

деловитый

деловитый

не вода темна
вода не темна

зелень не темнота
зелень это зелень

не темна

зато заметно тепла вода

теперь бы поплавать

ртуть ведь и действительно ртуть

зеркало

зер зер

только только солнце зашло

сразу небо себя

засозерцало

зеркало молодец

это ртуть

а вот в ту ртуть

поверить

почему-то тут трудно

пошел рур

пошел пошел в грунт

пошел холм

пошел пошел

в воздух

на отдых

подъехали

подошли

подошли ближе
под небеса
собственно не совсем небеса
с грехом пополам
как бы

кайне
там
никаких тайн
нихт гехайм
одни сплошные гехаймы

бохум бохум бохум и эх мы

бохум
бохум
бохум
а эхом ему
хаген

видно
видно вид
на рургебит
вид
видно
и ничего
никому не обидно

рур
вокруг
кругом
холм холм холм
тут и тут и тут тут тут тут
культурструктуры

холмы
холмы и холмы как мысли
земли

и интересные мысли
в особенности если вся эта земля

родина идео ло го ге ге ги
логики какой
и дорогая могила

и мысли
в данном конкретном случае
в этом месте
мысли земли северный рейн
вестфалия

может быть
чего-то-либо-кое-нибудь так и мы здесь не совсем поняли
но
как нам показалось
земля вестфалия сама весьма и весьма
не есть одна какая либо идея

иде я
и иде она
и де они
мы
люди

люди вроде
вроде людей

а идея
идея ни хт
ни ц

миф
идея на ц
идея фри ц
ни ц ш
идея фиг с ней
миф ты
и сиди ты себе
в отведенном для тебя месте
вмифтилище или
или вообще

сами ли надумали

ли
и надоумили их
в этом ли дело
сейчас это уже лишнее
все дело в том что все у них уже вышло
дело выгорело
хотя и горело

а как подумали
так и надумали
как
не по идее типа как бы пожить
а как пожить
как по жизни
как-то
по способности как
так и по потребности
склонности
по возможности
и что интересно
по совести как
так и по закону

чудно
кому и знать * кому и сказать \1 к кому тут
обратиться \2
хочу сказать
хочу сказать чур

1/почему руру
а почему
и не руру

2/ к руру почему
потому
что рур
не рур
почему-то
кажется как будто точно что тут
что ни делается
чуть ли не все
к лучшему

к лучшему и только к нему

Россия Россия

Преступление Наказание

(и покаяния
ай какая типа она
понимаете ай яя яя)

Россия Россия

Наказание Преступление

Германия Германия

Преступление Наказание

Германия Германия

Понимание Исправление

И
представляет себе

И
процветание

полное

практически полное
благополучие

во всяком случае
сейчас
на данный век
это так

таков итог

и благо тому
кто

* и музыка тут
и там

здесь

кому жизнь-то

1980 - 1997

/Из стихов этого цикла много прочитано на "Лианозовских" вечерах в Литмузее на Петровке (91 и 92), на московской фазе фестиваля "Hier und Dort" (Библиотека Иностранной Литературы, май 91), на цикле вечеров "Говоря конкретнее" (Библиотека имени Некрасова, ноябрь 92) и на вечере-встрече с Францем Моном (Гете-центр, октябрь 93).

И весь цикл полностью прочитан на вечере в галерее "Феникс" 19. III. 97. Приглашения на вечер и программа были посланы галереей по факсу в Гете-центр и в культурный атташат посольства ФРГ, откуда в "Фениксе" вообще-то гости прежде бывали. Но тут никто не явился и не отозвался. Почему-то./

*а вы думали
будем говорить
серьезно
и всё знакомые
знакомые все
будем говорить лица
думали
во что это выльется
zelle welle
целое дело*

АЗАРТ НИХТЗАЙН-АРТА

или

ХРОНИКА НЕМЕЦКО-МОИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОРЯДКУ

1964 Читаю про поэзию конкретизма в ЛГ и в "Иностранке". Раньше (конец 62) слышал (от Брусиловского) про "Бег на 100 метров" поляка Мацедонского = 100 повторов одной строки: "Бегуны бегут как можно быстрее". Но еще раньше писал сам и те же повторы (с 59 года) и читал подобное у соседей: Холина, Сатуновского, Сапгира, Соковнина. Помню впечатление: теперь, значит, везде пишут похоже. И здорово же, бывает, пишут: Гмрингер, например...

1971 Читаю свои стихи в мастерской Лама и Стесина. Моими стихами (и не только моими) заинтересовалась Лизл Уйвари, стажер МГУ по русской литературе из Австрии

1972 и поплатилась за не те интересы. Придравшись к чепухе [*] - на десяток км. дальше заехала от столицы - и безуспешно попытавшись шантажировать, ГБ спешно ее высылает.

1973 Выходит номер журнала "Pestsäule", Вена, с хорошего объема переводами Уйвари стихов Холина, Сапгира, Бахчаняна, Лена, Лимонова и моих и статьей, где она сравнивает поэзию собранных ей авторов с поэзией немецкого конкретизма.

1975 Выходит в Цюрихе двуязычный сборник Freiheit ist freiheit, практически повторяющий публикацию в журнале с добавлением русского текста. Название - по моему стиху "Свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода". Но ошибок порядком.

1976 Профессор Иованович из Югославии, давно грозивший визитом, наносит его молниеносно, не сняв и пыльника.

1977 Результат: в увесистой белградской антологии русской поэзии оказываются самые мои деформированные стихи из сборника Уйвари, которые она просто не успела проверить. Ответ профессора на мое письмо, смысл: он-то думал, я - никто, вот и не стал задерживаться. А что я - кто-то, узнал уже потом, когда узнал про "Freiheit". Пожалуй, первая моя такая, в лоб, встреча с чудесами н а у к и: заниматься так вот, без любопытства, заведомо непубликуемыми авторами, будучи готов сразу ранжировать их по чужой публикации, одному факту... И сильное впечатление от научной смелости: вскользь профессор делает выводы - в стихах у меня явно заметно влияние западной конкретной и визуальной поэзии. В Париже выходит "Аполлон 77", где, прибавив к "Freiheit" Е.Л. Кропивницкого и Сатуновского (резонно), расшифровывают нас как ГРУППУ КОНКРЕТ (чушь заведомая). Расшифровывает смотавшийся Лимонов. В Париже же Эткинд вынимает мои стихи из сборника памяти убитого Константина Богатырева: "Это несерьезно"...Я передаю через Копелевых в Германию известному лицу, которое, как мне сказали, финансирует сборник, письмо с возражениями. Очевидными: стихи я давал отнюдь не Эткинду на отзыв. Письмо вызывает негодование Р.Д. Орловой... в

мой адрес - как так: "Порочит Эткинда"... Письмо не отдают ни адресату, ни мне, но мои стихи в сборнике восстановить приходится. [*]

1978 Чуйков и А.Сидоров приходят ко мне и приглашают в новый журнал "А-Я". Я даю стихи и "Объяснительную записку" и начинаю ждать. Выходит N 1 "А-Я" со статьей Гройса "Московский романтический концептуализм", где романтические концептуалисты Чуйков, Монастырский, Рубинштейн и Инфантэ. В Париже уехавший Николай Боков начинает выпускать "Ковчег".

1979 Выходит ленинградский самиздатский журнал "37" со стихами Пригова, Рубинштейна и моими (моих 6 п.л. в 2 колонки, поздней - 90г. - они составят сборник "Стихи из журнала" - первую мою /из двух/ книжку стихов) и статьей Гройса "Поэзия, культура и смерть в городе Москве" с цитатами и лестным отзывом о моих стихах в сравнении с приговскими.

1981-82 В "МАНИ" (Московский Архив Нового Искусства) я помещаю статьи: "Об Инфантэ", "Объяснительную записку", "О симпозиуме по фотографии" и "Концепт как авангард авангарда". Затем (83-84) - стихи (около 1 п.л.), потом визуальные и предметные тексты. В Зальцбурге выходит номер двуязычного "Бронзового века" с моими стихами и переводом на немецкий. В Ленинграде выходит номер самиздатского "Грааля" в частности с записью разговора со мной о концептуализме. В Кельне В.Казак выпускает все-таки сборник памяти Константина Богатырева, и мои стихи в нем на своем месте. Они же - в "Ковчеге". Гройс делает доклад "О европейской традиции" и уезжает в Европу. Гройсову "Поэзию, культуру..." из "37" печатает "Ковчег" N 5 и западногерманский "AKZENTE" N 8 82 г.; однако последний - без всяких цитат из стихов и без упоминаний моей фамилии. И с пометой - сокращения в переводе статьи сделаны Ф.Ф.Ингольдом.

1983 Гройс шлет Кабаковым письмо, комментируя свои успехи в "AKZENTE". Его смысл (в передаче): хочешь жить - умей вертеться. Я знакомлюсь с С.Хенсен и Г.Витте. И шлю короткую стихотворную двуязычную восточку Ингольду как незнакомому другу (здесь приводится). [*] Гройсу восточку послать не удастся. А писал я ему, что от одного корня в некоторых европейских языках и слово традиция, и слова предательство и продажность. Ждать своей публикации в "А-Я", наконец, надоедает, да и журнал начинает вызывать сомнения [*] и я шлю Шелковскому, редактору "А-Я", отказ. Вежливый, но очень определенный.

1984-85 Выходит "Культурпаласт" Вондерс и Хирта (Хенсен и Витте) с Мухоморами, переводами стихов Пригова, Рубинштейна, Монастырского и моих, самими стихами по-русски в немалом объеме и приложенной аудиокассетой с авторским чтением стихов. Выходит литературный номер "А-Я" с моими стихами и "Объяснительной запиской". Я шлю Шелковскому письмо уже невежливое. Знакомство с Джеральдом Янечком. Он выпускает собственный ротапринтный сборник моих стихов.

1986-88 Разворачивается бурная деятельность "КЛАВЫ" - "Клуба

АВангарда" под руководством Бакштейна. Объединившего из круга "А-Я"- "МАНИ"- "Коллективных действий" исключительно художников "кабачков" - по их собственному определению. В "Московской правде" - запоздалый донос на "А-Я" подписанный: Степанов. Единственный литературный пример возмутительности "А-Я" в нем - мои стихи:

весна
 весна весна весна
 весна
 весна весна весна
 весна
 весна весна весна

и правда весна

и в том же 87 в "Огоньке" Коротича - основополагающий труд Минкина "По направлению к Некрошоусу": "1956 вознес идеалистов. 1986 обнажил циников. Из циников не выходят поэты - разве что пародисты. "Ладно,обнажил циников - тут же наложил миников. Минкины и д е а л и с т ы здесь - Евтушенко и проч. Коротич. Знакомлюсь со стихам Альчук и Цвеля (еще раньше - со стихами В.Барского. В Клубе "Поэзия" - со стихами В. Друка. Еще раньше - Сухотина, Кибирова. Еще раньше - Рубинштейна. До того - со стихами Файнермана, текстами Е. Харитоновна (через того же Файнермана *), также - Ахметьева, А.Дмитриева и Колымагина. И вовсе в 70-е годы мелькнул, помню, интересный автор из Киева с двумя фамилиями, и обе редкостные: Гарумби-Финерли. И исчез. Примерно тогда же Герловины знакомят с Мнацакановой, поздней Монастырский - с Ры Никоновой и Сигеем. Из Киева еще навевдывались Андриевские, из Львова - Аксиньин и Буряковская. Ряды авангарда - наверно, так бы это могло называться...) В Перовском молодежном клубе Альчук и Цвель устраивают Лианозовский вечер с демонстрацией работ, прослушиванием записей и чтением. Людей порядочно. Докладчик Ломазов. Читаем Сапгир и я. Холин не пожелал.

1989 В Москве проходит немецко-русская выставка ИСКУНСТВО. В меню только "кабачки". Афишу выставки см. выше. Спасибо Хенсен и Витте, первый мой и анин выезд за границу: в двухместном купе, пневмонии и почти

* Тексты-стихи были остро "формалистические" - конкретные, минималистские, концептуальные, отличавшиеся от прозы, в которую были включены и которая заинтересовала меньше. А тут, помню, я слегка встолопился, увидев среди прочего слово вот как отдельный текст: у меня такой вот "вот" лежал в коробке в книжечке на колечке тогда уже лет 10, о чем Харитонов не знал. Потом я догадался поставить точку в центре о и успокоился.

эйфории. В Эссен на фестиваль немецкой и русской авангардной поэзии "Hier und Dort" званы Шварц, Пригов, Рубинштейн, Холин и я. Хозяева - Геркен, Клинг, Глюк (из Австрии), Андерсон, Папенфус-Горек. Выпущен и сборник "Hier und Dort" по-немецки. Мы едем читать и в Гамбург и Франкфурт; в Гамбурге обнимаемся с Антонином Броусеком, ярким поэтом чешской "оттепели" и "Пражской весны", который перевел и напечатал мои стихи в N 1 "Tvar" ("Лицо") за 64 год (фактически первая моя публикация), интересно, кстати, набором подчеркнув именно конкретную сторону стихов. Антонин преподает литературу в Гамбургском Университете. Меня В.Казак зовет еще в Кельн. Фестиваль, сборник - работа Хирта и Вондерс, сделавших и KULTURPALAST. Гройс пытается со мной поздороваться. Напрасно. Плюс к своему выступлению зачитываю русско-немецкие стихи, посланные некогда Ингольду, и предаю огласке всю историю с "37", Гройсом и AKZENTE при помощи немецкоговорящей Ани и диктофона. Это декабрь. [*] Германские впечатления (сильные) - в стихах (какие вышли). Стихи - здесь.

1990 И, по-моему, уже в январе Гройс провозглашает во "Франкфуртер Альгемайне" новую научную концепцию русского концептуализма: отныне он будет состоять из 1. Пригова и 2. Сорокина. Не считая Кабакова и ранее причисленного сюда же Л.Рубинштейна. В феврале в Новосибирской галерее выставка "Лианозово - Москва" (работы Рабина, Кропивницких, Немухина, Мастерковой, Вечтомова, Булатова, Васильева, Кабакова, Инфантэ, Шаблавина и других - всего до полутора ста листов) с программой магнитофонных записей стихов Сатуновского, Кропивницкого, Соковнина, а также Холина, Сапгира, Ахметьева, А.Дмитриева, Кибирова, Левина, Сухотина, Строчкова, Пригова, Рубинштейна, моим чтением и двумя-тремя лекциями.

В "Доме Молодежи" на Фрунзенской Бакштейн устраивает выставку "Дорогое Искусство" без Олега Васильева и с на удивление плохую экспонируемой единственной работой Булатова - зато с роскошно развернутой КЛАВой. Выставка пустует. Поздней Кулик делает там же "Логика Парадокса". Я даю на нее несколько картин (помнится, Васильева, Булатова, Рабина) и десятка два своих визуальных и предметных работ, в основном из "МАНИ". Там же читаю стихи.

Айдан Салахова открывает свою галерею удачной, но подчеркнута элитарной выставкой работ Чуйкова, Гороховского, Кабакова, Булатова и пары картин Олега Васильева - из самых-самых. Но видят их практически те, кто видел и в мастерских. С неделю повисев, картины уезжают отсюда; за ними - Васильев.

Евг. Попов в "ЛГ" представляет стихи Пригова как основателя школы концептуализма. Я пишу письмо в ЛГ, оспаривая основательность самого определения. [*] ЛГ меня приглашает, раз так, дать статью о концептуализме. Я иду на это: спекуляции термином меня, что называется, достали и статья "Как было дело с концептуализмом" с год как готова, а, кроме

того, к статье обещают дать репродукции Булатова и Васильева. И не обманывают. Только сокращают (вынужденно) и портят название (зря). Но письмо не печатают. Полностью (но с множеством опечаток) статья выходит, спустя время, в новосибирской "Мангазее". Статья вызывает статью Гройса в ЛГ "О пользе теории для практики" и ответ Гройсу Кулакова "О пользе практики для теории". Не утруждаясь, Гройс, просто дает справку: "концептуализм" - это тот-то и тот-то. Некрасов же - "в рамках московской субкультуры". Я не раз спрашивал Витте и Хенсген: что бы им перевести хоть одну мою статью. А тут решил этого добиваться: с какой стати немцам судить обо мне по Гройсу, не имея возможности судить и о Гройсе. По мне.

Выходит "Декоративное Искусство" с обзором "А-Я" и как бы ответом Степанову. Моей в нем нет и фамилии. Подписывали Шелковский, Макаревич и... Бакштейн. Во Франкфурте на Майне выходит русско-немецкое издание "МАНИ" со всем набором кабачков, Приговым-Рубинштейном и опять без моей фамилии, не говоря о моих стихах и статьях. Нету и Васильева, Инфантэ, Гороховского, Юликова, Абрамова, Шаблавина, Рапопорта, Ракитина, Штейнберга с Янкилевским - тех, кто, не отличаясь большой кабачковостью, успел, однако, побывать в выпусках настоящего архива МАНИ - до 86 года - задуманного как ковчег для спасения в тогдашних ожиданиях каких-то катастроф. Булатов только упомянут. И полно КЛАВиных детей, сшустривших попасть в МАНИ уже в "перестройку". Подписывали такую явную липу Макаревич, Ромашко, Панитков и... опять Бакштейн.

1991 В марте-апреле в Литмузее на Петровке - выставка-программа вроде новосибирской, но расширенная, добавлены картины и живые авторы, кто читал некогда в Лианозово и Долгопрудном. В прессе о выставке - молчок круглый. Плотный. Наглый. Блатной.

Конференция по постмодернизму в Литинституте, где приходится мне с пеной у рта доказывать абсурдность понимания постмодернизма - любого "изма" - как якобы нового небывалого метода полной равнозначности и безразличия для автора любых методов и манер - на выбор... Телепередача РТ "Другое искусство" с моим участием, где я честно хвалю "Коллективные действия" Монастырского. Но лейтмотив моих рассказов и лекций - "концептуализм" здесь прорезался еще у "подпольных" авторов 50-х, первоначально - как способ резче эмансипироваться от официозной "художественности". Поздней - как необходимая критика материала и произведения = освоение и осознание ситуационности как одной из фундаментальных основ искусства вообще (Булатов, Васильев, Инфантэ, но, конечно, не только они). И пытаться выделять к-зм искусственно, упирать на его специфичность и ограниченность, манифестировать, радикализировать его и т.п. задним числом стали уже разные организаторы и "наука". В своих видах.

В мае - московская фаза фестиваля Hier und Dort. Немцы - Гееркен, Клинт,

Андерсон, Глюк и Хелль (австрийцы). Русские - Пригов, Кривулин, Рубинштейн, Монастырский, Миронов, и я. Читаю стихи ленинградские и немецкие. За "круглым столом" - открытая стычка с Приговым и франкфуртским фальсификатором Ромашко, которого Гете-центр уже пригред консультантом. Хенсен и Витте приглашают на следующий год в Германию в программу "Лианозово" с выставкой. Я только убедительно прошу перевести для немецкой публики хотя бы мою напечатанную статью, чтоб не подвергаться мне больше в Германии безропотно теоретическим осмыслениям Бори Гройса. Сабина Хенсен соглашается. Кроме того, я не хочу делать выставку исключительно "лианозовскую". Историческую. ЛИАНОЗОВО, как первый центр "другого" искусства, по праву пусть остается его маркой, но Булатов, Васильев не менее, думаю, значительны, чем Рабин, Немухин, и уж спецконцептуализму Гройса, изъывшего Васильева из современного искусства в пользу Пригова, и тут потакать я не собираюсь. И пишу в музей Бохума, что думаю о делах в современном русском искусстве и особенно около него, приводя и пример с "МАНИ" из Франкфурта. Забегая вперед, скажу, что со мной согласились: выставка-программа "Lianosowo" 92 была не только историческая, но и актуальная. С отличным Васильевым. И сделана музеем Бохума была просто замечательно, но, к сожалению, без каталога. Каталог позднее будет делать Сабина Хенсен. Осенью едем с Аней в Париж к Васильевым на пару недель - писать статью для проекта Юханссена - иллюстрирование Чехова Васильевым, Ващенко и Макаревичем. Около нового года выходит сдвоенный номер "Декоративного искусства" со страничкой моих стихов по проблемам концептуализма и т.п. Герои Вакштейн, Кабаков, Гройс, Пригов и дрр.

1992 Начинается с большой - на два месяца - выставки в ЦДХ "СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО ОКОЛО 90 ГОДА", устроенной, как означено на массивном альбоме, "STADTISCHE KUNSTHALLE DÜSSELDORF, THE ISRAEL MUSEUM, WEISBORD PAVILION, JERUSALEM и Центральным Домом Художника в Москве при поддержке Министерства Иностранных Дел Федеративной Республики Германия, Министра Культуры и Фонда Культуры и Искусства Земли Северный Рейн-Вестфалия и Союзхудожэкспорта в Москве." На афише выставки, помнится, упомянуты были еще Дойче Банк и даже Люфтганза. Выставка - колоссальная и безраздельная КЛАВА с приездом немецкой наукой, Гройс-Бакштейном и т.п.

Весной в Литмузее на Петровке - продолжение программ-выставок. Выставляем чеховский проект Юханссена. В основном Васильева (листов пятьдесят) плюс кое-что из живописи - в том числе и очень большое. И по нескольку работ Макаревича и Ващенко - чем располагаем. Название "Лианозово - Москва - далее -". И чтения. Читают авторы, кто когда-то читал у Булатова и Васильева в мастерской на Чистых Прудах. Круглый молчок прессы о выставке стал длинный молчок. На Южинском, глядя Горматюка, сталкиваюсь со старой знакомой Е. Романовой, которая заводит речи о кознях Бакштейна. Я

разговор обрываю: Бакштейн Бакштейном, но главный фальсификатор МАНИ, Панитков, Романовой поближе Бакштейна - родной супруг. Потом мне это припомнят.

Летом в Германии программа "Lianosowo"92. Выставка в Бохуме и Бремене. Лекция и чтения в Бохуме. Чтения в Кельне, Франфурте (на Майне), Гамбурге, Бремене, Мюнстере, Берлине, Дрездене и Лейпциге. Читаем трое - Холин, Сапгир и я. С нами "Lianosowo", новый сборник стихов нас троих плюс недоживших Кропивницкого и Сатуновского с переводами Вондерс-Хирта и аудиокассетой - всё, как в "Культурпаласте". Отзывы в прессе: в Рурнахрихтен, Гамбургер Рундшау, Берлинер Цайтунг, Берлинер Иллюстрирте, Кройцер, Тац, Везер Курир, Франкфуртер Рундшау, Юнге Вельт, Вестдойче Альгемайне, Ляйпцигер фольксцайтунг, Зюддойче Цайтунг, Базлер Цайтунг - всего больше полутора десятков откликов в 12 германских и одном швейцарском издании. В Бремене, бременском музее - "3 OST + 2 WEST" - совместное выступление с Францем Моном и Герхардом Рюмом - живыми классиками немецкого конкретизма.

Но переводов никаких моих статей нет, как не было, и лекцию в Бохумском университете приходится вести на повышенных тонах сенсационного разоблачения. В результате мне вопросик: это что же - заговор против русского искусства? Мой ответ см. в письме Норберту Виру. Заговор - не знаю, а что сговор - сами можете видеть. В искусстве же любой сговор - против искусства. Закон природы. И если искусство русское, закон - что - отменяется?.. Сюжет с фальсификацией МАНИ, во всяком случае, я постарался и в этой лекции изложить как можно отчетливой.

А выводы уже ваше дело. В музее на открытии выставки вежливо отказываюсь беседовать с супругой Гройса Никитиной, руководящей и направляющей русское искусство на "Немецкой Волне" - слушал уже я эту никитскую волну. "Бефраунг фом нихтзайн" - отпуск из небытия - озглавила статью о наших гастролях газета, кажется, в Гамбурге. И слово nichtsein очень еще пригодится. В Москве по возвращении во всяком случае - он самый. Про всю нашу поездку практически все тот же молчок.

В Москву приехали Макаревич и Ващенко и привезли работы по Чехову - свои и Васильева. Предстоит выставка, и к ней книжечка в один лист трех авторов о трех художниках. Я - о Васильеве. Пишу там, в частности: "(и что "РУССКОЕ ИСКУССТВО ОКОЛО 1990 ГОДА" - вполне излишняя гуманитарная помощь Дойче Банка нашему национал-патриотизму<...>)", перепутав название выставки: "СОВЕТСКОЕ искусство...". В остальном правильно. Название так или иначе означает: вот какое искусство у вас сейчас здесь. Определенно, непринужденно: и не "авангардное", предположим, искусство, альтернативное, нонконформистское или там наш взгляд на ваше искусство, а вот так вот: вот вам ваше искусство. И смотрите. В Гете-центре - совместные немецко-российские литературные посиделки. Среди немцев Пастиор и Рюм. С нашей

стороны в т.ч. Попов, Битов, Ерофеев. Любо поглядеть: год назад в Литинституте Битов крыл Ерофеева почем зря, и так же любовались. Сейчас альянсом любимы из зала: участники как HIER UND DORT, так и только что прошедшего в Германии LIANOSOWO (я был как там, так и там) позваны как публика. Холин не Ерофеев, Сапгир не Попов - до эстрады Гете-центра не доросли. Но с нее радостно кивает нам милейший Герхард Рюм, айн фом "Цвай Вест" фом Бремен. Его действительно блистательным выступлением все заканчивается.

И правда жаль, что не увидел я Рюма в Вене на Симпозиуме по Новой Русской Литературе в Шаушпильхаузе в октябре 92: Рюм в Вене преподавал. Как и звезд HIER UND DORT'a, отличных, отчетливых поэтов-венцев Глюка и Хеля. Зато встретил друзей 71 года: Виталия Стесина и Лизл Уйвари, переводчицу и инициатора первых немецкоязычных публикаций. Другие переводчики и хозяева мероприятия - Роз-Мари Титце и все те же Вондерс и Хирт. Новую же Русскую литературу представляют Битов, Ерофеев, Мамлеев, Некрасов, Попов, Пригов, Рубинштейн, Сорокин и Холин. Если по алфавиту. Сапгира нет, чему, кстати, позволил я себе удивиться с трибуны. Я отчитал на второй день. На третий предстоял доклад Гройса, причем по-немецки. Придя после доклада, я увидел, что нас, оказывается, поделили: на сцене твердо восседала концепция русского специфического концептуализма по Гройсу в лице Пригова и Сорокина плюс Ерофеев - прославленная группа ЕПС - и Ю. В. Мамлеев, примкнувший к президиуму самостоятельно. Прочие в зале. Битов уехал. Ерофеев взял микрофон и взялся за дело: во множестве называя разные литературные имена-фамилии, к каждой аккуратно прилагать слово говно. Выходило монотонно. Удовольствие затыгивалось, увядал и сам оратор, пока не догадался-таки, как упростить свой труд по осмыслению русской литературы на венском симпозиуме по этой литературе, зато уж упростил кардинально: все - говно, кроме Ерофеева - сообщил Ерофеев. Ерофеев, правда, не сказал прямо: "Ерофеева" - застеснялся внезапно и начал городить: "И только когда в 70-е годы явились честные, молодые, новые, здоровые, яркие, талантливые, свежие, неиспорченные..." и т.п. Утомился и утомился. И наконец уселся на место.

И тут и я полез-таки на трибуну. Насчет Ерофеева - не Ерофеева - не говна - говна с Ерофеевым я расхожусь в корне, не беря в счет оговорок. Но не в Ерофееве же дело, и к Ерофееву во всяком случае обращаться я не собирался. Дело даже и не в ком-то отдельно, а в том, что получается, когда лелеют-хоят, откровенно организуют концепции с тенденциями делать из говна конфетку, поторговывая таким conditerei, а из литературы - говно. В нашем случае - русской литературы. Вот и нюхайте. Т.е. вкратце говорил то же, что уже и говорил и писал, когда никак не мог допроситься перевода... И тут тоже стала ощущаться заминка, шумок - причем сразу: видимо, ordnung нарушался в основе. Переводчик запинался, и очень скоро я услышал zeit, zeit. И понял и это немецкое слово и ситуацию в целом без затруднений, сказав, что кабы не

билет на самолет послезавтра, убрался бы я из прекрасной Вены тут же, а сейчас имею честь и радость убраться с многоуважаемого симпозиума, оставляя ему в целости и его zeit, и его говно.

Наутро в холле ко мне суется кучерявая в усах личность и с каким-то акцентом японского шпиона из старинных советских кин, чуть выплясывая, принимается кривляться: - А это я всея вам сдеряб обструксию! Это я крисяр! Я крисяр "Уходи-и! Дай другим сказать!" Это я-а!..

"Говно! - Я говно!" Какой-то был такой анекдот. Смысл в Вену, так хоть сиди в ней спокойно, не наглей. Москва покуда не Вена, вам тут говнеца на замес для интереса, а нам там расхлебывай. До октября 93 - как раз год. Без месяца.

Как бы ни было, слово zeit звучало вроде не на японский манер, и с благодарностью принимая приглашение на симпозиум по русской литературе, я тем самым уславливался дело иметь не со всяким говном, а с любезными хозяевами. Им и danke.

В Вене Хенсен и Витте дали мне кое-какие материалы с LIANOSOWO и NIER UND DORT, так что в Москве грех было держать их под спудом. Начальство в Литмузее уже не залюбило организатора Лианозовских программ Е.Н.Пенскую, и ей же устроенный цикл вечеров "ГОВОРЯ КОНКРЕТНЕЕ" с удовольствием приняла Некрасовская библиотека на Пушкинской. Вот программа:

ГОВОРЯ КОНКРЕТНЕЕ

Немецкая и русская конкретная поэзия 1940-1990-х гг.

Кого называли конкретистами

Швитгтерса, Кропивницкого, Хауссмана, Сатуновского, Небея, Холина, Гомрингера, Сапгира, Мона, Бахчаняна, Рюма, Лена, Яндля, Лимонова, Пригова, Галпмайра, Монастырского, Рубинштейна, Некрасова и других авторов

24 ноября - немцы

28 ноября - "Свобода есть свобода"

В "Аполлоне 77" Группы "Конкрет" не было

1 ноября "Культурпаласт" значит Дворец культуры

"Хир унд Дорт" значит Тут и Там

8 ноября снова "Хир унд Дорт" значит Тут и Там

"Лианозово" значит Лианозово

Те победили, а эти выигралаи.

Культуршпионаж * и гуманитарная помощь.

Отпуск из небытия и возврат к реальности

Приглашаются все желающие. Адрес - и т.д.

Спасибо Некрасовской библиотеке, все прошло по программе.

Наведывались Джеральд Янечек из Лексингтонского Университета, Вольфганг Казак из Кельна. А вот из Московского Гете-центра ни разу так никто и не зашел, хотя программ и приглашений не получить они не могли. Вроде бы прямое их дело, попросту их работа. Видимо, имела место и работа еще чья-то, встречающая. Возможно, г-на Ромашко. Вообще прошло без инцидентов, только Кузьмин с Дубоссарским и кем-то еще торжественно удалились с моего рассказа о Вене и Гройсе.

Совсем в канун нового года выходит мой сборник СПРАВКА - свод тамиздатских публикаций и их история с комментариями, а также сюжетом об Эткинде, Ингольде и Гройсе, русско-немецкими стихами Ингольду и текстом, что зачтен в Эссене. И письмом в ЛГ насчет Пригова как основателя концептуализма.

1993 Пушкинская премия Топфера Пригову и Кибирову. Тишина в Германии. Нихтзайн. Всем известные события здесь и вскоре после них - приезд и выступление Франца Мона, другого из "Цвай Вест" в Бремене 92. И вот Франц-то Мон и показал, что значит по-немецки КОНКРЕТИЗМ. Как писать конкретно, так и разговаривать. Конкретно значит честно. Как есть на самом деле. И просто поставил условием своего выступления в Гете-центре участие и "Драй Ост"- троих с Востока, как было и в Бремене: нас с Холиным и Сапгиром. Так и я попал-таки в Гете-центр; умора, но ведущий наш совместный вечер фальсификатор- координатор Ромашко так об этом и объявил, с извиняющимся видом - тут, дескать, он уже ничего поделать не может... Интересно все-таки - перед кем извинялся? Но часика полтора-два в Москве не хуже было, чем в Бремене. Нихтзайн - найн.

Нихтзайн, однако, бывает разный. В Эссене выходит номер "Schreibheft" - журнала, который публиковал еще участников "HIER UND DORT" 89. На этот раз номер с русским искусством и в основном - с тем самым искусством революционного метода специфического концептуализма, сменившим революционный метод социалистического реализма согласно Гройсу. Groyssische, sehr Groyssische Kunst. Все согласно Гройсу, и прежде всего сам Гройс. Ну, Пригов-Рубинштейн. Бартов, правда, почему-то Гройсом жалуемый несколько меньше. Сорокин. Множество на диво плохих, просто никуда работ-выходок прежде совсем не плохого художника из КЛАВы. И я. Подумать, - но в каком качестве: мой треп-репортаж с акции Монастырского 81 г. "10 появлений" ... Вот это не лень было и переводить, и печатать и безо всяких

* Словечко К.Аймермахера. "...Ей сказали, что я шпион, а мне не сказали, что я шпион..." (Из разговоров 84 года)

условий и разговоров... Нет, отказываться от этой заметки я не собираюсь, хоть сам не читал ее уже лет 15. И к Андрею Монастырскому-автору, и к творческому союзу Хенсен & Монастырский отношусь лояльно, но все-таки после всех просьб, договоренностей, да той же Вены такое мое первое появление в качестве заговорившего автора перед немецкой публикой скорее похоже на шуточки, попыточки указать мне мое место - в рамках, которые очертит мне Гройс...

1994 И когда Сабина Хенсен привезла этот номер с русским искусством, этот номер с русским искусством гладко не прошел. Возникли серьезные сомнения, стоит ли нам иметь дела друг с другом в дальнейшем. Собственно, у меня-то сомнений и не оставалось, как вдруг звонок: Хенсен из Бохума сообщает, что г-н Виру, редактору "Schreibheft", интересны мои взгляды на концептуализм, современное русское искусство вообще и в Германии в частности, и он просит меня написать что-нибудь об этом для его журнала. Что же - все честь по чести. И что усумнился как бы я в немецкой корректности, стало мне просто стыдно. И я написал - наверно, не лучшим образом, длинно написал - зато обстоятельно. И если правда кому-то что-то тут интересно - казалось бы, чего еще желать? Мелькнул, правда, вариант - о нем Сабина Хенсен мимоходом упомянула не помню уже - по телефону или в приезд, - письмо пока отложить, а зато в Schreibheft'e напечатать большую-большую подборку моих стихов - не лучше ли будет? Но помню, что я очень быстро и испуганно ответил, что нет-нет, не лучше. Ни в коем случае. Тем временем, не считая письмо чем-то личным, и подавно дела, описываемые в письме, своими личными делами, я предлагал письмо в "НЛО" и "Стрелец". Михайловская морочила голову с месяц, Глезер - с год, в итоге же никто не решился. На предложение же Мизиано напечатать из письма с четвертушку не решился я, раз реально послано все четыре. Тем же временем в городе Сочи набравшая откуда-то силу уже хозяйка "галереи Л" Е.Романова с помпой развернула не что-нибудь, а ФЕСТИВАЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ в составе Холина, и сразу Пригова-Рубинштейна. А на НТВ чуть позже с помощью Курляндцевой, старой знакомой по "Коллективным Действиям" - передачи про МАНИ с той же парой, придав тем самым, надо понимать, уже всенародный статус франкфуртской фальшивке своего супруга Паниткова и окончательно доказав таким образом мой полнейший нихтзайн - как в бывшем МАНИ, так и в СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

1995 А к началу года явилась сияющая Сабина Хенсен со свежим номером журнала "Schreibheft" с действительно большой моей подборкой: чуть не весь номер - три поэта; один из трех - я. В ее переводе, как почти и всегда. Сабина Хенсен - это Сабина Хенсен. И в любом случае первым моим о ней словом должно быть самое большое спасибо за все, что она сделала для моих стихов. Но затем придется добавить и еще кое что. Но об этом ниже. К журналу была приложена очень любезная записка г-на Вира со словами благодарности

за мое письмо и сожаления о том, что объем письма не дает возможности напечатать его в журнале, а к подборке - предисловие Вондерс и Хирта, между прочим, с похвальным отзывом о моих п и с ь м а х. О статьях - ни гугу. Ни звука. Так же, как и о п и с ь м е.

Что ж. Я разделил радость Сабины Хенсен - но только отчасти, в чем ей сразу признался. Сильно отчасти. И принялся за новое письмо - хотя бы в ответ на любезную записку, - в котором, впрочем, от письма заведомо уже оставалась одна эпистолярная форма. Да и первое-то письмо - разве письмо? Так если, честно? 33 страницы на машинке письмо в журнале печатать, может, и странно. А статья в 1,4 листа хоть и в виде письма в нормальном толстом (200 страниц и больше) литературно-художественном журнале - что за диковина? Да еще учесть всю застарелость истории вопроса... В общем, все достаточно ясно, и должно быть максимально прояснено. Нихтзайн ист нихтзайн, дело знакомое, и мы здесь в нем - как рыба в воде.

Со вторым письмом особенно спешить было некуда, и я вручил его на дискете Сабине Хенсен уже к концу лета 95. Хоть хватило бы, наверно, и первого, оставшегося по существу без ответа. И считаю, я вполне вправе понимать как о т в е т на эти письма в Германию дуэт мероприятий, программ "Москва в Берлине" 95 и "Берлин в Москве" 96. С невиданным по масштабу массовым охватом участников отсюда: практически со всеми моими соседями. Но без меня там и там. Ответ без звука, без упоминания. Ответ без ответа. Ответ массивным, колоссальным Нихтзайном. Гройсснихтзайном.

1996 - Решительный ответ, но невразумительный. И неудовлетворительный, что там ни говорить.

(А, не исключено, поспособствовала как-то и публикация первого письма г-ну Виру в конце 95/начале 96 годов в пяти номерах самарского "Цирка Олимп" только под излишне изысканным (редакцией) названием: "Письма немецкому другу". Ну что ж. В конце 96, спасибо "Цирку", напечатали и второе).

Насильно мил не будешь - это я понимаю. Но мил я быть тут и не собираюсь. И не только быть мил - не рассчитываю и вообще быть, фигурировать в дальнейшем в каких-то совместно-немецких мероприятиях. В таком нихтзайне, какой мне учинили, есть, знаете, и своя прелесть. И теперь, приди в голову кому-нибудь вспомнить прежнее, меня надо бы уже не пригласить просто - пожалуй, и попросить бы пришлось. Пришлось, пожалуй бы, кое в чем разобраться. Что было бы вообще-то не вредно. Ведь и не во мне дело. Не во мне, а в ярком сюжете. Я, не я, но некто-все-равно-кто может если попасть в мое положение, значит, положение не в порядке, и не в порядке по-крупному. И уж во всяком случае, надо было бы, очевидно, кое-что прояснить.

Конечно, не мне тягаться с группой ЕПС, системой КГП - Кабаков-Гройс-Пригов, но свой список напечатанного по-немецки могу представить и я (здесь - не совсем полный):

1. Стихи(в переводе) 1973 журнал "Pestsäule", Вена
2. Стихи(с переводом) 1975 сб-к "Freiheit ist freiheit" Цюрих
3. Стихи (с переводом) 1982 Альманах "Бронзовый век", Зальцбург.
4. Стихи(с переводом и аудиокассетой) 1984 сб-к KULTURPALAST Вупперталь.
5. Стихи (в переводе) журнал "Schreibheft" N 29 89г
6. Стихи (в переводе) журнал "Akzente" N 1 90г
7. Стихи (с переводом) сб-к HIER UND DORT, Эссен 89 г
8. Стихи(с переводом и аудиокассетой) сб-к LIANOSOWO Мюнхен
9. Стихи (в переводе) журнал "Lettre International" N 9 90г
10. Статья. Журнал "Schreibheft" N 42
11. Стихи (в переводе) журнал "Schreibheft" N 44
12. Стихи (в переводе) антология RUSSISCHE MODERN POESIE SEIT 1966 ("OBERBAUM") 90г
13. Стихи (с переводом) сб-к "Русское искусство около 90 года" 92 г.

И Боже упаси дерзать сравниваться как автору Всеволоду Некрасову как с авторами, скажем, с коллегами, означенными в программе "Берлин в Москве" как поэты аж XXI века... Куда. Не спорю, я если поэт века, так всего только XX - зато уже приличного кусочка этого века - в 40 почти что лет. И больше 20-ти, половины от сорока, смотрю, состою в каких-то отношениях с немецкоязычным читателем: так получилось. Примерно, как у Айги или Сапгира - соседей по поэзии, но не по программе. И при всех достижениях, успехах немецкой техники-организации и индустрии раскрутки хоть Пригова, хоть кого хочешь, да и всех будущих моих несоседей, а в первую по крайней мере четверть тех сорока, в первую - и что ни говорить, самую интересную еще ГеБешными сюжетами - половину от тех двадцати лет никакого Пригова уже не впихнешь, как и никакой техникой Вс. Некрасова уже оттуда не выцарапаешь. Я там был, и есть я там и в переводе на немецкий. А этих там нету.

В немецкой же программе как в зеркале: то же, только наоборот. Меня нет, а они есть.

Ну и что это, как не в о з р а ж е н и е д е й с т в и е м? Возражение действием мне на мои слова и ответ простейшим нихтзайном мне на мои вопросы, статьи и письма.

И откровенная демонстрация своих возможностей нихтзайн здесь сделать всегда любому, на выбор. Отчетливый жест, чтоб и все видели. И какие же успехи - еще в 92 наивная Гамбургер Рундшау подает нихтзайн как русскую экзотику, а в 96 нихтзайн уже экспортируется, уже едет сюда на гастроли. Ну не бурный рост? Да какой нихтзайн-то: фирмовый, настоящей немецкой работы. Аншлаг: !!!НИХТЗАЙН ПОКОРЯЕТ РОССИЮ!!!

Еще в "Справке", касаясь начала славных дел с Эткингом-Ингольдом и Гройсом, я писал: "...некоторыми нюансами культурополитики, похоже, мне

до сих пор нет-нет, и дают понять, с кем посмел я связываться. С Системой. Ну, мы тут привыкли." Это точно. Несомненно, мое блистательное отсутствие в таких двух подряд масштабных сабантуях - нюанс наиизысканнейший. Нюанс из нюансов. Повторяю - я не думаю и не думал напрашиваться на внимание немецких хозяев положения. Вообще-то мне внимания уже бы и не хотелось. И до Берлин-московских посиделок положение уже сложили так (не само же оно сложилось такое), что внимание меня бы уже и не радовало - подобно вниманию г-на Вира, вниманию заведомо в обход существа дела. Подробней об этом - в письмах г-ну Виру. (Самарский "Цирк Олимп" NN 1 - 7, Сб-к "Пакет", Москва 96 г.)

Возможно, решено, что я персона безусловно не грата. Постановлено там кем-то. Возможно. Будем считать, что такой приговорчик исключительно в суверенной компетентности трибунальчика т а м - понятно, там он хозяин, на своем поле.

Ему знать, кого ему звать. Кого не звать на свои программы. Говоря вообще. Говоря же конкретнее, там был еще и вопрос. И история вопроса. И еще вопрос. И не один. И все та же история. И такой нихтхзайн, ноль реакции, молчание - тут уже не просто молчание, а ответ молчанием. А молчание - не ответ. Молчание не ответ, а знак согласия. В данном случае хочешь-не хочешь - согласия с моими предположениями и прямыми констатациями. Ответ молчанием на мои вопросы, чтоб была тишина, ответ действием, ответ опять же нихтхзайном на мою позицию - чтоб меня не было.

А вот это - пригущки. Вряд ли. Это надо будет нам еще посмотреть. Не та хотя бы у меня биография, стаж - см. выше - чтобы мне так вот не быть - и капут. Ende. Вообще молчанием и действием отвечают, когда ответить больше нечем. Нечего. Сказать нечего. А сказать нечего. Да ведь и не я говорю, тут давно всё говорит само за себя, и что вообще можно возразить этому в с ё ?

Что МАНИ подано де как "Музей МАНИ", а музей МАНИ - нечто, устроенное на даче Коли Паниткова Колей лично? Кого хочет Коля, тех и отбирает в музей? Так? Ну так и назвать бы тогда издание - музей КОЛИ. И если любит так город Франкфурт лично Колю, пусть и издает Колю лично под личной Колиной маркой - и все путем. А когда издание использует название реально и достаточно напряженно (в отличие, кстати, от Коли) существовавшего архива МАНИ, когда издание - первопубликация самиздатского альманаха, а в издании нет никаких оговорок с указанием хотя бы фамилий авторов, участвовавших в самом этом альманахе, но не попавших почему-то в это издание; когда - больше того: ни один из пятерки подписавших издание даже не озаботился такими оговорками и в дальнейшем - тогда возможен только один вывод: дело всё и затеяно с целью обдуманной, преднамеренной фальсификации.

Исказить, урезать подлинную историю архива-альманаха в интересах своей группки - в расчете на мощь немецкой техники-экономики и российского

разгильдяйства. А, кто станет там связываться... Да и пока соберется. А Коля уже - с марками.

Коля, Лена, Боря, Сережа. И с рублями. И дальнейшие события - хоть те же МАНИпуляции на НТВ Курляндцевой и Романовой - подтверждают направленность и намеренность действий этой компании убедительнейшим образом.

Завлеклись ребята. И не приходится говорить, какие они хорошие, какие способные, интересные - как же, дескать, не аякая так про них выражаться - дурацкое искусство, уродское искусство: чего ж тогда ты и сам водил с этим искусством компанию? Во-первых, особенно способными оказались ребята не туда, не в ту сторону. Не на то способными, как мы только что видели. Во-вторых, интересные ребята, не очень - это кто как скажет, а что не честные ребята - и говорить нечего. Все и так на виду, ясно. В третьих же - я, например, скажу - да, интересные. Скажу, как и говорил, и писал - бывали, точнее, каждый да бывал интересен хоть чем-нибудь, хоть по разу. Ну, почти каждый, насколько я знаю. Каждый по отдельности.

Но все вместе, в массе, аккуратненько отсеченные от своих соседей по тому же МАНИ и тому же неофициальному русскому современному искусству (и соседей, никак не меньше ихнего интересных как авторы - на мой взгляд - и подавно уж, на взгляд чей угодно, заслуживших все права выступить никак не меньше ребят. И не позже), ребята да, составили картинку именно такую, достаточно определенного нарочитого перекоса: картинку авангардного русского искусства как уродства по преимуществу, современного русского искусства как дурацкого искусства. Искусства вот как бы назло бывшим властям - и только. Слиплись, и слепили сами, составили шустро, охотно и вполне по-зрячему: тот же я талдычил обо всем этом где и как мог не один год - см. все сначала. Слепили, судорожно пихаясь. И сколько ни талдычь, хоть караул вопи - глухо. С чего бы?..

Достаточно убогого искусства в угоду и под командованием вполне убогой концепции, которая, ведись дело по-честному, а не по-блатному, никак бы не получилась гладкой, чтобы ей так вот пойти в ход по дешевке - и тоже ведь кому-нибудь в угоду и для удобства.

Или сказать пфуй, как оппонент дурно воспитан, и нашим молчанием мы дружно показываем, дескать, что порядочные люди вообще не ведут дискуссий в подобном тоне? Не страшно - в том же тоне и ответьте, только ответьте по существу, а насчет порядочности - пардон, но она-то и есть то, что надо еще доказать - вопрос ребром ставить приходится именно уже о ней, об элементарной порядочности. Остальное - уловки.

Да и тон такой ведь, если он неприятен, оппонент просто вынужден был набирать постепенно, соответственно набиравшему тон и силу нихтзайну и молчанию (нем. Schweigen). См. опять все сначала и по порядку внимательно.

Ну, что еще придумать? Какую-нибудь уже совсем чепуху, вроде ссылок на

германскую региональную специфику? Типа того, что Некрасов Всеволод считается у нас тут русский рургебитский поэт, - считается не у нас, а у нас тут русские берлинские? Ну... Если так, "Леттр Энтернасьональ", "Обербаум Ферлаг" - это ни где как в Берлине, да и "Берлинер", скажем, "Иллюстрирте" - Иллюстрирте именно Берлинер, а случилось бывать и там. Главное же смешно напоминать, что Берлин теперь уже не населенный пункт, а столица, и за Рургебит или Бремен отвечает, как и за Фридрихштрассе. Но это уже так, на всякий случай - потому что придумать-сказать за мастеров нихтзайна уже окончательно нечего.

Не знаю, как по-немецки за у ш к о, да н а с о л н ы ш к о. Но на спор: что-нибудь в том же смысле и у них да найдется. Уж очень, что ни говорить, при всей разнице, много общего остается у нас с ними - в судьбе и в характере. К сожалению, иной раз и в уродствах - например, традициях конформизма. Совсем необязательно локализованного в рамках 70 или 12 памятных лет прошедшей истории. Случалось, на мои недоумения махали люди рукой: - А... ну, что вы хотите - это дела знакомые, всем известная славистская мафия... Мне дела эти известны не были, теперь вот известны и интересны: кто же это все-таки персонально? Кто наезжает давать нам тут показательные сеансы нихтзайна? Один гройснихтзайнер, гросснихтзайнмейстер здесь известен достаточно. Но не один же он, в самом деле, вертит всей той самой культуростполитикой. Что я наивный, я знаю, - но не настолько, чтобы так думать. На московском сабантуе нет его и фамилии: а что - дас ист тоже политика. Гро(й)сполитик. Опять. Я и говорю: не он же один. Да и кто он там такое, если начистоту. Но и выставленные на программе "Берлин в Москве" 96 в звучный ряд фамилии С и м о н, Ш у л ь м а н и Г и б е л ь кажутся скорей именно что выставленными. Подставленными.

Кому надо лезть в немецкие дела. Безусловно. Но и N 8 82 г. "AKZENTE" с фокусом моего внезапного и тотального исчезновения из опубликованной уже до того статьи, фокусом, приглашавшим тогда предполагать на мой счет, что угодно, и франкфуртское МАНИ с тем же трюком, как и целым каскадом других подобных же - верней, сплошной большой (Гро(й)с) трюк, - и "СОВЕТСКОЕ (или все-таки РУССКОЕ? Ну, неважно) ИСКУССТВО ОКОЛО 90 ГОДА" - фокус-покус уже и не ГРОИС, а именно что КОЛОССАЙЛЬ, и все с тем же сюжетом, - и наконец последние гройскуштыки Берлин-Москва-Берлин 95-96 вряд ли отнесешь к делам только немецким и чисто внутренним.

Прошу прощения, но это явно и мои дела. Непосредственно меня касающиеся - хоть и не только меня. Да и опосредованно тоже: вот через то самое здешнее, как его ни писать на вывеске большими буквами - да: И С К У С С Т В О. И приходится говорить прямо: дорогие гости, они же любезные хозяева положения: тут все же не кролики из шляпы, готовые к исчезновению по чьему-либо мановению. Энтшульдиген зи битте, но здесь не

варьете. И если фокус с исчезновением - hor-sa - продельвается с чужим имуществом - а мое имя и мое место и есть мое имущество - нельзя ли заглянуть в механизм?

Позвольте напомнить: в перечисленных случаях разговор у нас не о том, кому что нравится, а о том, кто как себя при этом ведет. Не о вкусах и мнениях, а просто о фактах. Хотя и связанных с убожеством вкуса, оснащенным стандартными учеными претензиями, не терпящими, видите ли, иных точек зрения. Но речь именно о фактах, фактах и их искажениях, очевидных бесспорных передергиваниях, логика которых прослеживается ясно как на ладошке, и которые не потому ли и идут по классически нарастающей кривой от гройса к колоссайлю, что каждая следующая передержка призвана перекрыть и тем покрыть предыдущие. Нихтзайн пошел уже, что называется, в раскрутку.

Он вообще такой, этот нихтзайн-арт, - азартный, ужасно как затягивает своих авторов, нихтзайнмахтеров, покуда кажется безнаказанным. Но мы-то здесь знаем: безнаказанный нихтзайн не бывает. Возможно, тут где-то, при всей схожести, и сидит одна из разниц между нами. Возможно, со временем она сгладится, но пока позвольте сказать, что прохвост только-только из-под страха и с полуголода как-то меньше все же вызывает опаски, чем прохвост от хорошей жизни во втором поколении и ради собственного своего развлечения.

И знаем, не подзабыли покуда еще кое-что: искусство, литературу-поэзию делают никак не кураторы и координаторы, как не директора, не редактора, не комментаторы-интерпретаторы, даже не спонсоры, а исключительно авторы. И живет искусство не по программам, проектам; все наоборот - это программы-проекты и все мероприятия по искусству по возможности исходят из реально существующего в искусстве положения дел. Реально же тут не публикуемое, не изданное, а созданное, и раньше-позже реальность вступает в свои права. Рукописи не только не горят - они с у щ е с т в у ю т. Независимо. И никакая техника и организация, никакой колоссайльный масштаб мероприятия не покроет блажные делишки. Как ни напрягаться, вряд ли удастся придумать нечто колоссайльнее Союза Советских, скажем, Писателей. В итоге получится очередной колоссайльный пуфф, конфуз. И все делишки наружу. И живем мы тут как раз под этим свежим впечатлением.

Даром, что по видимости все покуда должно проходить гладко, если такую проверку на вшивость, на подчиняемость волшебной палочке - ап - и нет из вас, кого нам не надо - коллеги от Левина и до Сапгира, от Рубинштейна до Садур прошли дружно, без малейшего писка - а пройти должны были, раз попали в печатную программу "Берлин в Москве" - 96. Такой гладкости, выучке здесь у нас 3/4 века, еще бы. Это - другая доминанта здешней жизни, другое наше свежее впечатление, прямо обратное первому. И немецкая власть удобно вписывается в неостывшее гнездышко, нишу бывшей советской власти. Власть надо любить. А дойчмарка и есть то, что все искренне любят.

Заранее, наперед можно сказать одно - какая бы ни была установлена уже немецкая власть в русском искусстве на месте советской, какая бы ни была "славистская мафия", "мафия" - одно, Германия - все-таки другое. Нет уверенности в этой связи, чтобы г-н посол Германии вполне чувствовал звучание своей недавней фразы о Москве как литературной столице мира. С одной стороны, безусловно лестно бы Москве быть не просто так себе столицей, а мира, с другой - возможно, и г-ну послу не неприятно бы быть послом не просто, как бывают послы, в столице, но столице Мира - т.е. послом быть как бы уже во всех столицах сразу. Со стороны же третьей и в свете всего, приведенного выше, такой комплимент не звучит ли с оттенком почти реляции, победного сообщения о том, что передовые части доблестной Германской Науки столицу мира уже взяли под контроль полностью? С чем нас и поздравляем... Нет, конечно.

Нет, конечно у г-на посла Германии в нашей стране дел более чем хватает, и не хватало ему вдаваться и в подобные нюансы. Г-ну послу следует просто сказать спасибо за доброе к Москве отношение, выраженное им в его фразе. Без затей.

Однако, что нюанс в ранге посла, раньше-позже на уровне пониже могло бы, кажется, кого-то и озаботить. Должен же, наверное, быть где-то и такой уровень. А, главное, помимо всех и всяких рангов, уровней и ранжиров, неужели не найдется никого, кто бы хоть удивился, что репутация современного российского искусства в Германии практически 10 лет в руках некой гройс-компании, eine Nichtseinkomando, без помех обдeldывающей свои делишки, как хочет? Лови их за руку на их махинациях - в ответ махинации набирают масштабы. Собственно, все это время нас стараются убеждать и убеждать д е й с т в и е м, что отношения между собой а в а н г а р д а культур двух стран строиться должны ни на чем ином, как на броской с виду в силу ее эксцентричности концепции, когда эксцентричность оказывается просто намеренным искривлением в чьих-то интересах, и вся концепция - по сути основанной ни на чем ином, как на простейшем блате, элементарном ловкачестве, гешефтмахерстве, и призвана его отмазать! (Не затруднит проглядеть все в последний раз? Бегло, но сначала.)

Ничего себе фундамент для грандиозных культурструктур и мероприятий одно другого импозантней и колоссальней...

Нет. Про нас-то тут - что и говорить, но воля ваша, чтоб беспрепятственно кипели столько времени столь великие стройки, так распоясывалась, настолько подчиняла всех своим делишкам - кого им двинуть, а кого придержать - банальнейшая блатная братия - для этого что-то должно все-таки шататься и в Федеральном Королевстве. Само собой, это дело жителей этого Королевства. Во всяком случае, до тех пор, пока это дело жителей этого Королевства. Но не позавидуешь, похоже, Сабине Хенсен - классический немецкий вундеркинд, к тому же еще на все руки: музыка, графика, кино, поэзия (achtung achtung nacht),

да вот еще русская поэзия, да aktionkunst - то, что называется, ж и в о й ч е л о в е к, она похоже, что в какой-то момент не поспела расстаться с этой русской современной поэзией, и оказалась как бы не в тех рядах. Не в том лагере. Неперспективном: где не с м е р т ь и с к у с с т в а, а все-таки жизнь. Хоть какая-там-никакая. Хотя, сказать правду, тут и не без сюжета о Маленьком Муке, Иванушке, который пьет-таки из копытца и т.п.: системе, благу, ництзайну не подыгрывают: не та вещь, с которой пускаются в игры, дают потачки-уступочки. Ему дай палец - он всю руку отхватит. Хоть по-русски, хоть по-немецки. Пожалуй, это вообще основной вывод из всего нашего здешнего свежего опыта, и приходится сказать: как ни жаль, но, похоже, на самое-то интересное тут, существенное, почти подвижнически работавшие тогда с нашим неофициальным искусством Гюнтер Хирт и Саша Вондерс все-таки не обратили внимания. Во всяком случае, во внимание этого как-то не приняли. К сожалению.

И приходится повторять: не искусство для системы, а система для искусства. И все компромиссы здесь ведут только к системе: если политика и искусство компромисса, то в самом искусстве компромисс - не политика. (Может быть потому, что все возможные компромиссы искусство уже включило в себя, и они перестали так называться, а невозможные невозможны и пагубны.) Не обратили, и вот теперь Сабина Хенсен с кучей планов и материалов, но словно бы не у дел, а г-н Витте, напротив, - ректор Университета Гумбольда в Берлине. Успехов г-ну Витте. Смерть есть смерть, она хочет взять все, и с какой стати смерти искусства нарушать свое правило. А разгул блатной нежити и есть с м е р т ь и с к у с т в а - только настоящая. Не теория, не фраза, а реальность. Если смерть завелась в живом, это называют болезнью: болезни не потекают, с ней не играют, не забавляются: от нее избавляются. Стараются излечивать. Чтoб не было ее. Ництзайну - только ництзайн.

И соваться туда, где ництзайн гуляет себе, как хочет, где ему дают резвиться вовсю то ли по забывчивости, то ли по беспечности, недосмотру, то ли по какому-то расчету, то ли почему, но резвиться дают в том числе уже сколько лет прямо на мой счет - аккуратно пресекая мои попытки ему ответить - соваться в такие угоды я просто больше не считаю для себя возможным. В конце концов, я вынужден заявить об этом. При всей благодарности той же Сабине Хенсен и не одной Сабине Хенсен, но как раз, чтоб не ставить больше в сомнительное положение ни Сабину Хенсен, никого. Ни себя.

Ництзайну - ництзайн. Как-никак, а я почти сорок лет, не идя на сделочки с советской литературной системой, не существовал для нее, как и она - для меня. И каков бы ни был я как автор, но вот опыт ництзайна у меня - как ни у кого опыт, могу сказать смело. И он-то, опыт долголетнего ництзайна в советской системе, он и не велит нипочем дурака мне валять с системой, ництзайном хоть и немецким, германским. С любимым из них один разговор: то

самое за ушко да на солнышко. Милости просим: пусть, говорю, пусть нихтзайнмейстеры выйдут, наконец, из-за ширм и раскроют пружины махинаций с исчезновениями, вообще озвучат нихтзайн, обоснуют свою практику, резоны и способы организации несуществования научно, но и публично - организации несуществования хотя бы и мне. И покажут на свету, во всей красе эти ленточные структуры, цепни и клубки - какой там дедка за репку, какой за Ингольда Гройс, кто за Гройса там и кто там за кем, за кого. И как сейчас там Гройса фамилия: понятно, Гройс - не только Гройс персонально: что там Гройс за персона... Тогда и поговорим. Но не раньше. После стольких уже сеансов трюков давно назрел и с е а н с р а з о б л а ч е н и я - а подвергаться и подвергаться еще фокус-покусам, кунштукам-штукам этой "науки" - слуга покорный. И это вот мое предложение прошу в свою очередь считать моим ответом уже на весь устроенный мне гройснихтзайн - ответом скромным, зато окончательным. На ответ действием пусть будет ответ не действием, и поглядим, что получится. Das ist, будем считать, mein nicht aktion kunst. So? Но без ясного в свою очередь ответа уже на него - на этот мой ответ - просил бы не беспокоиться. Нихт, так нихт. Можно и так.

Раз такие дела, такие даже п р о г р а м м ы, - пусть будет нихт, keine никакого меня в берлинской Москве как и в московском Берлине, пока не найдется, не заинтересуется кто-нибудь в этой прекрасно отлаженной системе-программе этим вот текстом. Может, таким способом удасться в программах что-нибудь переналадить, перепрограммировать. Вполне всерьез заявляю: **прошу не публиковать больше в Германии ничего, мной написанного, пока не опубликован в Германии по-немецки вот этот текст, эта хроника успехов-достижений и неуклонного роста влияния Гройс-Виссен-унд-Гезель-шафта, за точность которой я вполне отвечаю.**

И тиражом, который мог бы считаться достаточным - как я понимаю, это должен быть тираж все-таки не элитарный, не в десятки штук, а по крайней мере - в сотни. Само собой, при этом в оставшейся еще обычной Москве, не системной, не берлинской, а московской, я оставляю за собой естественное право напечатать и эту хроникальную справку, и все сопутствующие материалы по своему усмотрению - как, впрочем, и в любом другом месте - кроме БундесРеспублики. Собственно, речь у нас ни много ни мало, как опять же о государственном управлении искусством.

Предмете, с детских лет знакомом, просто родном. Смешно думать, что очертания предмета не будут тут узнаваться мгновенно оттого только, что искусство - это, а государство - то.

Понимаете, не знаю уж, каким образом, что ли, гипнозом, но похоже, что совсем мимо внимания публики проехал трюк трюков, центральный трюк эпохи, основная метаморфоза. Момент, когда перестал работать основополагающий резон, критерий, по которому и отбирались - почти автоматически, но практически безошибочно - авторы и явления, достойные

внимания: признак их отношений с советским официозом. Хоть срабатывала тут, если вдуматься, безошибочность иной раз не так германской - и вообще западной - экспертизы, как безошибочность реакций и инстинктов того самого официоза...

Главное же, конечно, работал безошибочно традиционно однозначный характер общей ситуации. Как бы ни было, но к безошибочности, безоговорочности, заведомому моральному авторитету своей позиции, а в итоге к собственной уверенности так или иначе привыкли, и она обратилась в инерцию, рутину; ситуация же, что ни говорить, все-таки меняется.

И в корне изменился кое в чем лет за 10-15 самый характер отношений между нашим искусством и западным - в особенности немецким - вниманием к этому искусству. В каких-то случаях по существу на прямо обратный поменялся сам знак. И разница между теми же Лизл Уйвари, Вольфгангом Казаком с одной, и какими-нибудь покровителями наших ф а л ь ш и в о - М А Н И т ч и к о в с другой стороны, собственно говоря - разница между тем, кто приходил сюда выручать кого-то из-под советских порядков и их обломков, и тем, кто явился наводить тут свои ordnung'i в своих видах. Кто помогает беспомощному, да еще и для себя не без риска - и теми, кто привык чьей-то беспомощностью пользоваться. Рассчитывать уже на нее. Разводя здесь дрянью, раскармливая очередную формацию нашего блата хоть ради спортивного интереса. Для развлечения, самоутверждения - мало ли, для чего. Рекламы. Бизнеса. Вроде разницы между санитаром и шалопаем. В лучшем случае, просто остолопом. А то и хулиганом.

Неприятная разница.

И чуть-чуть теории - практической, так скажем, теории.

Опредмечивание слова, строки, было не вычитанной идеей, а нажитым ощущением. Нарботанным практикой. А дальше с единицей текста, больше или меньше опредмеченной, начинает происходить много чего. Она вступает в отношения, наживает, наработывает себе контекст, среду, создает резон. А верней - уже произошло. Контекст и резон и создается по мере опредмечивания слова - или наоборот. Раз есть п р е д м е т - уже есть и с и т у а ц и я, в которой предмет находится. За ней - ситуация "пишу это", она же - ситуация автор + читатель. И уже можно говорить о к о н ц е п т у а л и з м е.

Концептуализм - это когда концепция работы видимым образом выступает на первый план перед реализацией работы. Всё, братва. Революция. Хватит, надоело: "работать", делать "как можно лучше"... Айда выступать... На деле же, чтоб концепция выступала и не спотыкалась, прочитывалась по-своему выразительно, концепция неминуемо тоже должна быть по-своему реализована=подана как можно лучше, и в этом основополагающем смысле

никаких революций в искусстве концептуализм не совершает. Концептуализм не есть, конечно, искусство не уметь в буквальном смысле - такое "искусство" остается нонсенсом.

Но по видимости - по видимости крайне резко порывающий с традиционным умением, традиционными критериями, традиционным пониманием материала и произведения (что, опять же, в нашей жизни практически неизбежно проводило и через этап, слой, который потом назовут соцартом) тот же повтор или пара слов на листе, а то и знаков, просто не может не нести идею отказа от произведения вообще, идею самодостаточности самой идеи, проекта концепта, предложения предположения. Задумки выходки. По крайней мере попытки. Концептуализм в пределе, в акции стремится устранить вообще всякое произведение как маску, косное материальное тело, помеху чистой ситуации: автор (он же концепт) / читатель-зритель. (Напомним: чистой, но не непосредственной - все равно опосредованной искусством.) И вот текст. Он хочет быть предметней, для этого заостриться, в идеале как бы сконцентрироваться в точку. Тут диалектика - и чем предметней будет он становиться таким способом, тем острее ощущаться будет и способ, и та самая ситуационность текста уже не может не выгянуть: чем предметней, тем и ситуационней. Я писал уже: стул венский, гнутый, деревянный, легкий, коричневый и т.д. Четвероногий. Холинское, скажем, М и Ж на двух страничках - и конкретизм, и барачный реализм, и попарт, и соцарт, и, конечно, концептуализм - а это начало 60-х.

Как практически можно уже говорить и о постмодернизме - хотя бы потому, что особенно охотно опредмечивается цитата, чужое слово и всеобщее речение, поскольку она, собственно, уже опредмечена. Она ready made. И, действительно, весьма настоятельно стремится цитата навязать определенный тон, окраску, тяготеть так или иначе к той удобной и как будто выигрышной отстраненности, отношению, которые принято теперь называть постмодернистским, а иногда и постлитературным. Что отнюдь не значит, что отныне все должно сводиться к такому тону и в нем тонуть... Все равно все решать будет конкретный случай и живой автор. Не автору судить о результате, но почему бы автору не рассказать о намерении. Могу сказать одно: предметность, конкретность, ситуационность ощущалась как насущнейшая необходимость, но в то же время самой-то интересной задачей было при этом не порывать и с образом и удерживать состояние. Ловить речь, интонацию. Заботы, в принципе неведомые тому же Пригову, что с ним и разобцает изначально, сколько ни наступай на пятки Вс.Некрасову 60 года Пригов 80-го. * Никогда не понимал, почему конкретность, предметность слова должны диктовать подход, тон, даже круг тем. Топорней скорей, легче - это понятно, но кто сказал, что конкретность, заостренность - то же, что топорность? Когда сказал, где? В Германии? В России? Маяковский? Гейне?

Концептуализм здесь выявлялся и развивался как органическая тенденция, а не специфическая догма и отграниченная догмой секта. Удобно,

нет ли это немецкой современной науке, выгодно или не очень для какого-нибудь приподдавшего на этот концептуализм Гройса. Не говоря уж, до чего прозрачна на практике оказывается сама этимология этого гройсова учения специфического концептуализма: концепция как функция от фальсификации.

* / "В приговских текстах реализуются все основные принципы поэтики примитивизма: ясный космос с недвусмысленным противопоставлением добра и зла, четкая символика, подчеркнутый схематизм словесного рисунка и его видимая неумелость, выражающаяся то в обрубании слова под размер стиха, то в насилии над грамматикой, то в выбегании за пределы стиха не уместившейся последней строчки:

Вот я, предположим, обычный поэт,
А тут вот по милости русской судьбы
Приходится совестью нации быть.
А как ею быть, если совести нет.
Стихи, скажем, есть, а вот совести нет.
Как тут быть?

Этот висячий хвостик стал вообще характерной приметой версификации Пригова. Не без претензии на введение нового литературоведческого термина я бы назвал его приговской строкой."

(Андрей Зорин, "Альманах" - взгляд из зала. Статья-резюме в альманахе "Личное дело"/изд-во СТД, Москва 1991г./)

Что ж, можно согласиться. Таки да, не без того. Приговской бы назвал не без претензии. Поскольку назвал без оснований:

Сергей Сергеевич учитель

Купил себе увеличитель

Купил себе увеличитель

Не потому что был учитель,

А потому что в лотерею выиграл

(59 год)

Темнота

Темнота

ДомА

Таг-та та та

Дома да

Дома ах

Дома

В лучших домах

Варят кофе

(год 61)

Примеры можно продолжить, но, думаю, этих достаточно.

Стихи про Сергея Сергеича (С.С.Аверинцев в виду не имелся) - из той же стеной "Зарницы", куда хотел я вклеить и "Рост дальнейшего скорейшего всемерного развертывания мероприятий" с четырехкратным варьированием. "Мероприятия" заклеили, учителя оставили: все же по профилю института: пед. Такие вот просматривались крыши-окна на последнем курсе, а дальше, может, и получше дома, но... Допустим, "Улокой, Господи, душу рабы твоея. Скучно" - "И взмахнул своей саблей игрушечной" - эстетика примитивизма, - а "Тромада двинулась, и рассекая волны, Плывет... Куда ж нам плыть?" - тогда как же?.. Примитивизм примитивизмом, но вообще-то "подвешенные" строки - отнюдь не приговское изобретение. В том числе, как видим, и на удивление близкие тем, которые А.Зорин приговскими назвал (бы/?/) уже не без терминотворческих претензий - сам пишет. Про крыши опубликовано в "Культурпалате" (84 г), про Сергей Сергеича в "А - Я" (85), а крыши-окна, кроме того, еще и в детском коллективном сборнике "Между летом и зимой" 76 года. Кстати: подаренном, помнится, и Пригову, когда заявился Пригов знакомиться после "Аполлона 77", сильно Пригова тогда заинтересовавшего; в "Аполлоне 77" А.Зорин мог бы при желании найти также немало в о о б щ е х а р а к т е р н ы х п р и м е т п р и г о в с к о й в е р с и ф и к а ц и и - и опять раньше самой такой версификации... Скорей всего, подаренном, тем более, что Пригов имел тогда дитя сравнительно малолетнее, а я, составив сборник и вставив туда и Соковнина с Сагуновским, на радостях купил штук с сотню и старался дарить всем литературным знакомым. Вообще это было

Крыши, крыши...

Что там - под?

Ничего.

Новый Год.

Окна, окна...

Что там - в?

Ничего

Вы и вы,

С чем вас и поздравляю...

- С чем с чем?

- Ни с чем. С Новым Годом

(на новый, 60 год)

некоторое событие, и если и не дарил я Пригову, то уж читал и сборник и эти стихи при Пригове не раз точно: чтения были в обычае, а стихи эти и сейчас как автора меня вполне устраивают.

И если ученый А.Зорин, глаза разиня глядя из зала такое зрелище: "Альманах 88" Айзенберга-Семеновского - мало ли - ну, не обратил, не придавал, прозевал этот детский сборник 12-летней тогда давности, то прозевать-проморгать так тщательно и "А - Я", и "Культурпаласт", и "Ковчеги" - это ученому надо было откровенно постараться. Заодно со всеми системами. Откровенная раскрутка Пригова, "Альманаха" и т.п. в 88 разгон только набирала. Вал был на подходе, покуда же поневоле приходилось за творчеством Пригова или Рубинштейна обращаться к этому всему тамиздату - или самиздату вроде "37", МАНИ - а и там, и там и сям любой обратившийся поневоле просто не мог не наткнуться на те же мои скромные попытки подражаний будущим открытиям приговской версификации - возможно, незрелые, поспешные, преждевременные с истинно научной точки зрения попытки - лет за 20 до Пригова - но неужто такие недостойные и упоминания Наукой - просто как слабенький, но факт?..

Кто спорит: годится и примитивизм, и дадаизм, к примеру, тот же концептуализм. Конкретизм. Говорить можно. О выбегании за пределы, остановке, переходе в прозу, верлибр, выходе, отходе и комментарии. Наука умеет много гитик. Но лучше, когда их меньше - как гласит сама же наука. И не обобщает разве эти гитики, термины и движения - а также случаи и сноски, и хоть того же повтора - то самое ощущение текста как ситуации взамен текста-произведения? Вот то самое пишу это. Вместо: вот что я написал. Или - наряду. Те самые явления, о которых автору этих строк (и цитированных стихов) не случалось разве писать и в статье о Хармсе ("Клуб" 76г), и в МАНИ начала 80-х, да и в статье "Как было дело с концептуализмом", напечатанной в ЛГ в 90 - и для чьего же сведения, если не Науки и ее корифея 91 А.Зорина?.. А нет? Не обобщает, по-вашему? Так так бы и ответить научно. И давно... Ау, наука... Нет. Не дает ответа. Как Русь. Nein. Nichtsein. Schweigen. По-немецки Schweigen, по-русски молчком. Молчком и кучкой. Наука-техника наводить дизайн на нихтзайн. Нихтзайн путешествует без виз: по-немецки Б.Гройс-по-русски А.Зорин. Глухая наука.

Сказано: НАУКА КАК НЕ ЗНАТЬ. Вот ТАК вот. Вот она она: во всей красе, славе, силе. Сплоченности и непринужденности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<...>мы лозунгов не поднимали - от таких замашек отучала и судьба тех же обзриутов, и многих других, и многое другое - да всё, вся окружающая действительность. До того, что выбрасывать-поднимать лозунги и провозглашать манифесты совершенно не хотелось и не хочется до сих пор. Нет вкуса.

И это не мы обзвали себя конкретистами - обзвали так нас. А когда нас обзвали, спорить мы не стали. И не станем спорить - нам понравилось. Обзвали подходяще. Слово было готовое - в Германии и не только там поэзия конкретизма была известна давно. Нам - нет, правда. Обзриутов же мы, понятно, знали и действительно ценили за - за вот это самое качество, которого добиться старались и сами. Назвать его реальность, назвать его конкретность - понятно, об чем речь. Думаю, что сходство между Холиным и Сапфиром с одной и Рюмом, Яндлем, Моном или Гаппмайром с другой стороны, кстаги говоря, совсем не так уж и очевидно, как между тем же Холиным и Хармсом - при всей между ними разнице, и тоже очевидной.

Но переводчица Лизл Уйвари точно увидела главную общую черту: нам, как и немцам, не надо было поэтичности помимо фактичности - ну, или реальности, или конкретности - и т.д. Как не надо ее было и обзриутам. Но речь не о подчеркнутой фактичности или реальности сюжета - натуралистичности, скажем, или документальности - от этого не отказывались, но из этого не исходили - речь о фактичности, конкретности речи. Слова, стиха - это было главное.

Стих должен быть таким, что кинуть им в окно - и стекло разобьется. Это если кинуть в окно - но никто не велел эти знаменитые слова Хармса понимать так, что больше стих ни на что не годится. Такую увесистость - а выражаясь без метафор непреложность, ту самую реальность, фактичность слова и стиха никто не велел сводить к пробивной силе - хотя такой случай и может выглядеть типичным и основополагающим - для начала. А дальше... А дальше и будет самое интересное.

<...> Я писал уже, и повторю - не в том дело, чтоб словом разбить стекло, а в том, чтоб об слово можно было обломать зубы - кто покусится. Как оно на наших глазах и вышло со всеми товарищами ждановыми. Рукописи-машинописи стихов Пастернака, Цветаевой, Хармса или Манделштама ведь и правда кое-у кого и в середине 50-х хранились еще в банках с крупой. Смешно это или страшно? Как сказать - за само по себе хранение стихов, не знаю, садился ли ктонибудь, но приобщить в случае чего к остальному стихи могли, и начать по стуку морочить-мучить, пугать, путать, таскать на беседы и загонять в осведомители - такое тоже бывало. Словом, над таким трепетным отношением к манускрипту не поулыбаешься.

Но и не потешаться нельзя. Не над людским испугом, над сексотской охотой за стихами не могут сами стихи не хохотать во все горло. Не из банки с крупой - какой смех из банки.

Вообще не с бумаги - из самой человеческой головы. Из своего дома, того, откуда хозяин волен вон выставить всякую сексотскую власть - была бы охота - а стихи еще и помогут.

Иначе сказать, особенно впечатляли не те стихи, которые сохраняли, а те, которые сохранялись сами, в памяти. В кусочках, строчках - зато самых зацепучих. Вот таких самых - конкретных и фактичных. И Мандельштам не уступал тут Олейникову, а Гумилев все же заметно проигрывал, не говоря обо всей послереволюционной Ахматовой.

Выражаясь по-теперешнему, хотелось лирического конкретизма - хотя тогда так мы не разговаривали. <...>

<...>Лет за 10-12 до того в каком-то из этих "обзрений" - уж не помню, "книжном" или "литературном", но появилась грозная глухая нотация авторам, до того дошедшим, что пишут уже себе где-то там на задворках такие с позволения сказать стихи "вода вода вода вода вода..." из одного слова... Вот, кстати, к слову.

Но это только кому интересно. Уже в 80-х благодаря все тем же Витте и Хенсен, будущим моим переводчикам на немецкий, я ахнул, увидав такие стихи - прямоугольник, ровно заполненный одним повторяющимся словом: *alles alles alles alles alles* и т.д. Герхард Рюм, 50-е, по-моему, годы.

Ахнул потому, что году в 60 - 62, когда, видимо, та же волна проходила через нас, через меня (волна не информации - ее не было, ни о немецких, ни о каких других конкретистах мы ничего не знали - а просто волна состояния) - я года два-три маялся, пытаюсь решить именно эту, невесть откуда взявшуюся, но неотвязную почему-то задачу: найти слово, из которого можно было бы сделать стихи, стихотворение одним повтором. Такого слова в русском языке тогда так я и не нашел. Не годились в итоге ни "всё", ни "ничего" несмотря на всю обиходность и междометность, фразовость; не годились ни "да", ни "нет", примеряемые так и эдак - в общем, вроде бы ничего не годилось, не находилось. Хотя почему-то упорно казалось, что на самом деле в природе такого случая не быть просто не может - вроде как водорода в таблице Менделеева...

И вот немецкий-то "*alles*" и оказалось то что надо. И по семантике, и по упругости, и по их совпадению, окончательно делающему слово самодостаточной фразой, охотно, сразу разгоняющейся до текста повтором. Наконец, с немецкой определенностью естественно принимающего графический облик прямоугольника на странице при наборе - просто на зависть...

Года три назад я догадался, что страницу слово т а к заполняет, пожалуй,

еще лучше чем немецкое alles - но против аллеса(который значит "всё", как известно),"так"- слово все-таки более частное, куцее и специфичное. При его краткости все это могло бы иногда и отчасти оборачиваться и плюсами, но выстроившись наборным прямоугольником при повторе, наше "так" примется того гляди, утрировать, пародировать "alles", обезьянничать - это будет уже русское восприятие, вариант немецкой определенности наверняка вторичный, вряд ли удачный... А как избежать неизбежного? Технически?

Не знаю. Думаю, что одного решения, простого и классичного, как с тем же "alles", тут опять не находится. Считать "таки" звуками, текстом для устного исполнения вряд ли выход. Опять будут кваки и крики. Лучше им не звучать, но как бы иметься в виду. Если располагаясь на странице, то как бы неопределенным образом, хотя такая идея неопределенности как раз и требует определенного профессионального решения на листе, и я, например, искать его бы не взялся, в этом деле себя профессионалом не чувствую.

Правда, есть утешение, что на самом-то деле именно такое промежуточное - не на языке и не на листе, а просто в голове - существование влачит на самом деле основная масса нашей речи. Так ведь? Вроде бы да, так. А "так" чем лучше?..

Как бы ни было, а суровый критик "Обозрения" (очевидно, реагируя на выход цюрихского сборника "Свобода есть свобода" 75) попытался быть конкретистом-концептуалистом куда радикальней критикуемого им автора, когда предложил стихи из одного слова в о д а: у автора-то - у меня - было вот что:

вода
 вода вода вода
 вода вода вода вода
 вода вода вода вода
 вода вода
 вода
 текла

Принять столь радикальное предложение критика по решению проблемы однослова духу у меня все-таки не хватило, а вместо того я позволил себе реплику:

вода
 вода вода вода
 вода вода вода вода
 вода вода вода вода
 вода вода

Увы да
 Стояла

(Год, кажется, 76 или 7-й. Сама "вода" - 61-й. Опять-таки, кому интересно -

повтор-то ведь отнюдь не пригота без конца и без края и без разницы, не обезьяна, которую, как известно, немцы выдумали, не балдеж и не отпад автоматом. Именно в силу своего видимого автоматизма, возможности всегда и везде схватиться за любое слово и фразу по своей прихоти и начать их повторять механически, повтор как раз и не может быть такой "возможностью" на самом деле. Повтор всегда будет сам себе проблема, всегда будет исследованием такой возможности. Или опасности. Работой с ней и риском ее.

Этим он и интересен. Хоть и не только этим. Короче, повтор всегда конкретен - вполне по Пегелю и соответственно термину "конкретизи". Это слово в этом тексте в этих обстоятельствах у этого автора может захотеть повторю поддаться, а то - нет.)

<...>

В антологии русской поэзии (Белград. "Просвиг" 1977) сказано: "пытается подражать поэзии западной, конкретной и визуальной" \1. Вот смысл самой, кажется, авторитетной характеристики, какую мне когда-либо выдавали. После этого что и оставалось, как не заняться визуальностью уже вплотную (непринужденно отнеслись и к стихам - за свои стихи напечатанное там признать не могу). На деле же, как и большинство, с конкретистами я познакомился в 64 по статье Льва Гинзбурга в ЛГ. (Особенно понравилось "Молчание" Гумрингера). Но к тому времени были у меня уже те же "Рост", "Вода", "Свобода", кое-что Броусек даже успел напечатать в чешском "Тваж".

А у других было, пожалуй, и поавангардней. В общем, Сагуновский, Холин, Сапфир, мы с Соковниным про "группу 47" в свое время не знали. "Группа конкрет" - чистый вымысел. Были бы группы, их бы назвать "57", "59". До конкретности и до кому чего надо доходили больше порознь и никак не в подражание немцам, а в свой момент по схожим причинам. Этот приоритет каждый бы уступил, думаю.

Взять повтор - не немцы же его выдумали. Повтор древней языка, у всех свой (а у меня, к примеру, кажется, еще и от Окуджавы, его лирической настоятельности - сам гитарой не владею, как быть. Ну, и само собой - Хармс). Но многократный повтор неизбежно выводит в визуальность: его приходится решать на листе так или иначе. А патенты кто же оспаривает.

Действительно ведь, такого конфуза - и речевого конфуза - никакие футуристы не припомнят. "Кричать и разговаривать" нечем было не то что "улице", а хоть бы и мне. А как хотелось: еще бы. При том, что шум, крик, Евтушенко, Вознесенский был устроен истошный - тоже симптом. И для таких всяких слов (их мода ретро нынче не носит - требование нового языка, например) - не знаю, были ли когда резоны серьезней. И новенького - да, конечно, но иного, главное, невиновного. Не сотворять - творцы вон чего, натворили - открыть, понять, что на самом деле. Отрывать, отвалить - остался там еще кто живой, хоть из междометий. Где она, поэзия. И морока тоже. Опять

ремонт этот, опять жмись, вникай до элементов. Зато без дури. Сколько сами успеем, пригодится кому, спасибо скажут - и такое было, помнится, чувство. Теперь нет. Чувств таких нету. Да и спасибо не слышать. Совсем не то слышно. Почему Лифшиц не модернист? \2 Будто "модернист" - вероисповедание какое. Будто Лифшиц правда может знать, кто бы он был, кабы и правда Лифшиц был кто-то. А тем и вовсе кузькина мать за Богородицу.

И стих звучит, звучит - проблем будто не было. Будто. Будто уже так и звучит сплошь, а не кажется. Будто взять, прикрыть ремонт на обед (как бы) - и лады, и хватит больше ремонту, надоел. Наконец-то мы без помех предадимся всему такому - истинному. Высокому и сурьезному. Сразу главному. Духхховному, во. Это другим пойте. Дело хотя бы знать - тебе и истина. А так - липа. И еще одна, и все та же. От дела в веру лытать. И вера - дело, да еще какое, только литература - не вера, а тогда уж - обращение в веру, и каждый раз сызнава. И духовное или как там его - в нашем этом деле не специальное ведомство, где распоряжаются ба, духовные все лица - бывш. романтики и романтички - не отдельный сюжет, вещь, птичка: хватъ - и в шляпе, а качество, а птичкий полет.

Выверяется речь, и разница не между жестом, мимикой (для глаза) и интонацией (для слуха), не между "авангардом" и остальными, а разница между "Иваном Денисовичем" и "Матрениным двором". Там что ни фраза - и проблема, и решение проблемы, и все доказывается здесь же, в тексте. А "Двор" - его опять уже изволь брать на веру. <...>

("Архив МАНИ" 1982 г., "А-Я" 1985 г., сборники "Справка" 1992 г., "ПАКЕТ" 1996 г.)

1/. Не от переводчиков ли ветер дует? Переводчики - они ведь в точности знают, что все сущее - перевод с какого-то, и оригинал написать невозможно. И не спорьте с ними: они сами пробовали и у них не вышло. А перевод у нас - престиж, клан. У кого же и перевода не вышло - усиливается в теории перевода - понятно, тут уже степень - выше некуда. Эткинд etc и т.д. Культура и традиция - так это называется. Называется - то есть сами изо всех сил так себя называют. А что им еще остается?

2/. "Почему я не модернист" - "К понятию гения" 66-69, Лифшиц и сразу же Палиевский. Тут как тут. Толкуйте о второй культуре. Не угодно ли - о второй расправе (не "расправа" - расправочка по нашим понятиям. Зато какая красивая), о тесной сплоченности местной передовой общественности вокруг кормушки, да как Лакин Володя Селянинович, Борис Абрамович, Давид Самойлович показывали дорогу начальству - наперегонки, при всей их солидности. В каких словах и выражениях удобней им трактовать нашего брата, что будто нас - нету. Во всяком случае, что мы такие не в счет. И не успело стать совсем хорошо не-модернистам (антиформалистам), вдруг на голову - Молодая Лейб-Гвардия. Откуда?

<...>

[*]отмечены сюжеты, которых я касаюсь и в сборнике "Справка".

* * *

это
один Бог знает

а это знает один
Бог знает кто

как это бывает
кто это нас так
убивает

как это было
кто это его
так убил

спроси
Бога

спроси
Костю Богатырева
покойного

это да
тайна

и это тайна да
но
это не та
тайна

1975

(стихи, которые не понравились Эткинду)

**РАЗНОЕ
И
СТАРОЕ**

СТАТЬИ

СТИХИ

ЦИРК И ФОТО

Кусочечки статьи напечатаны в журнале «Советское Фото» 90 год. Зачем напечатали? Потому что заказали. А тогда зачем статью портили? Чтоб напечатать. А тогда зачем... Нет, на сей раз без обжуливаний, но и без толку.

И без радости.

«Кто я такой, чтобы писать так интересно?» - как рассказывал с обычным благодушным видом Берестов про какие-то тоже свои злоключения 60-х в «Литературке». Положим, эта-то статья написана уж и не так интересно. Но, думаю, для «Советского фото» 89 нормально. И в условленном объеме. Вопрос как и обычно, только в этом - а кто я такой.

И не Бог вещь статья, но вдруг кому попадетсЯ в старых номерах - пусть имеет в виду: там - вообще не она. Вот она.

Сережа с Леной не ошибаются, и если говорят - надо идти куда-то, то идти надо, это проверено. Пошел я и на цирк «Ронкалли», не будучи отнюдь специально цирковым зрителем; а так цирк этот в Москве работал всего несколько дней при громадной выставке ФРГ 86 на Пресне - словно бы и случаем выступал, проездом.

Представление кончилось, жарница спадала, и большинство людей, не связываясь с транспортом, двинуло до метро пешком. А некоторые разошлись так, что от площади Пятого Года продолжили марш и вниз, к Красно-пресненской. И я тоже. Шли не гурьбой, орать, петь и не думали - но как-то всех было видно: так когда-то, сильно уже давно, шли с футбольных матчей. Теперь это бывает иначе.

И уже у Зоопарка один из коллег по маршу обратился ко мне с парой слов, вымолвив не без труда и с большим знаком вопроса:

- Бол-шьяа Гру-зин-скайа-а?

- Ботшафт? догадался я и стал объясняться жестами. Зная, кроме ботшафта, еще колоссаль и данке шен, попытался пустить в дело и их, но вряд ли удачно. Ботшафт-посольство, я надеюсь, нашлось; данкешен-спасибо, боюсь, затерялось. Спасибо хотелось сказать за удивительно человеческий цирк - не в смысле, что не хватало дрессуры - были и красавицы-лошади и просто красавицы: возможно, как раз те, что на фото. И не то чтобы цирк какой-то особо гуманистический: * кстати, помню, когда подняли за волосы на воздухе артиста, который сам держал за волосы партнершу, я все-таки поежилсЯ - а именно что просто человеческий. Понятно, что простое выразить всего и сложнее - да еще на языке, который не знаешь. Одно удачно: оба мы

прошагали по Москве километра с полтора, не чуя ног, так что слов, собственно, и не требовалось - пусть даже немецких. Особенно, наверно, слова «колоссаль».

Колоссаль - вот это я зря. Это выставка была колоссаль, да еще какой колоссаль, а цирк, циркус найн, как раз нет. Совсем не в том смысле. Даже напротив. Шатер-шапито поменьше обычных наших и минимум цирковой помпы, оформительства. В высшей степени цирковым был сам каждый номер, а не подача номера. Рядов не много, зрители на виду почти как артисты - и зрители дети от этого в полном счастье. Артисты слегка «приставали» к ним еще на контроле - кому мазнут краской метку, кому сунут конфетку. А что выделял с залом Шуб - вот он поглядывает на нас, отдыхает, а ведь видишь: уже что-то выдумал... Нет, я знаю, у нас есть, были замечательные клоуны, но Шуб и не клоун, даже такой, как Юрий Никулин, а самый шкодливый и находчивый пятиклассник - шести, самое большее - на переменке. Причем среди своих, таких же - в своем классе - что удивительно!

Но время от времени сорванец налетал на реплику. Боюсь сейчас ошибиться, но по-моему, белый клоун, подававший эти реплики - простите, репризы - негромкие, зато четкие, острые - был Трак - на фото, где сидят двое, он - слева. А если и не этот артист, то выражение лица точно это: не спутаешь.

Ехидничать над любимцем публики - роль выигрышная, но вовсе не легкая. И любимец оставался любимцем - пока ехидный и грустный белый клоун не показал, как жонглировать мыльными пузырями. Этого уже и не опишешь. После этого оставалось одно: финальный парад. После чего стало окончательно ясно: любимцы - все; после чего и отшагалось так остановок чуть не десяток...

Повторяю, я никак не специалист по цирку. Но тут, кажется, и до меня стал доходить смысл краем уха слышанного раньше: что при всех возможностях циркового здания на Ленинских горах, тянет будто и артистов и зрителей в старый цирк на Цветном - тот, который сейчас вновь открыли... А цирк Ронкалли, мне показалось, относится к нашему старому примерно как старый - к нашему новому - впрочем, новому уже двадцать лет... Не специалист и не знаю, были ли в программе рекорды*, но по-моему, было что-то невероятное - особенно на турнике. И кстати, как неспециалист, не могу уразуметь и требований неперменной рекордности в цирке. Наверно, нет сегодня цирка без спорта, и все-таки рекорд мира сегодня и ежедневно - несерьезно и не смешно. Рекорд мира, рекорд для мира, для всех может быть рекордом ни для кого, и рекорду до этого нет дела. Рекорд арены, зала, рекорд для зала, для меня, зрителя - это и есть дело цирка. Для меня, хоть я и не специалист, зритель - или как раз поэтому...

Очень человеческий цирк, человеческого контакта, пожалуй, даже просто и не испытанного - и контакта не какой-то тусовкой, братанием, посторонними способами - как раз нет, честным искусством, цирком в высшей степени. Неиспытанность, неожиданность чувствовалась не только на фоне махин и

чудес немецкой техники на Пресне. Есть машины и не такие.

Кто помнит первый после войны бум дефицита, припадок спроса на крупную муку-мыло, соль-спички-сахар?.. Это был целиком успех нашей пропаганды, результат газетного ора под 55 год насчет Парижских соглашений и рождения бундесвера... Цена запугиваниям западногерманским реваншизмом/милитаризмом давко сомнений не вызывала, но и что на приязненные чувства западных немцев нам особенно надеяться не приходится - казалось, тоже само собой разумеется. Разве на формальную признательность сознательной части...

Как вдруг... Не вдруг, конечно - такого вдруг не бывает. Нет, читали мы и Белля, и Грасса, писали у нас много и охотно о левых силах, изнемогающих в борьбе с реваншистами, но прогрессивная литература и общественность - все-таки особь статья, а вот когда стали разворачиваться связи, контакты, приезжать люди, замелькал "Гутентаг", пошли выставки и разные мероприятия, родилось по-моему тихое изумление - медленное и основательное.

Ждать можно было немецкой корректности, европейской терпимости, но вот доброжелательного любознательства - этого мы не ожидали. Я так не ожидал точно. Попросту действительно ведь неплохого отношения. А оно, ей-богу же, чувствовалось - при всех поправках на служебную любезность или возможный коммерческий интерес...

Мы с детства слышали много хорошего насчет широты души русской - своей, нашей. Приходилось слышать, читать про немецкую добросовестность - иной раз и доброту - пожалуй, но уже с оттенком некоторой чужаковатости. Самый, наверно, симпатичный немец в нашей классике - толстовский Карл Иванович с его смешным акцентом. Интересно, ну а как бы изобразил мой, мягко выражаясь, акцент тот прохожий, кому надо было Большую Грузинскую? И насколько забавен был доктор Гааз? И так ли походили на простоватого Карла Ивановича ученые - сколько их у нас было, с немецкими фамилиями, начиная хотя бы с Рихмана, Стеллера? Что-то тут не ладится. Ребенок охотно изобразит учителя забавным: так он компенсирует очевидное превосходство учителя. Но ребенок растет, и превосходство выравнивается - если, конечно, ребячество не перерождается в чванство. История надавала нам с ними, немцами, таких уроков, что учителя менялись местами с учениками и не поймешь, сколько раз. Но кое-что понятно. Например, что мы толком только сейчас садимся за задачку, наподобие той, какую они, со всем своим потешным якобы прилежанием, должны были решать почти 45 лет назад. И вот решили, да как - безо всякой скуки! Можно принудить смириться с поражением. Но не держать зла, от души простить свое поражение можно только захотеть самому. После четырех лет войны страшной, «горячей», в которой да, сами они виноваты - хоть и не на подные сто процентов, как наконец выясняется - да после сорока лет войны подлой, «холодной», в которой виноватее нас не сыщешь - и явить

такое человеческое отношение к «противнику»... Как угодно, знаменитый «комплекс немецкой вины» - этого тут мало. Тут надо эту самую душу, ну а как сказать по-другому? И не потому ли так удачно с ней у них получилось, что они как-то меньше ей, душой, хвастались?

Перестать, забыть напрочь заклинять именем своей страны и нации, именем, которое довело до идеологического бешенства и катастрофы, вырастить поколение - другое не на немецкой национальной гордости, а на человеческом достоинстве - которое в итоге оказывается нераздельно и с этой самой национальной гордостью - но уже совсем, совсем другой... Решением задачи оказалась национальная пауза. Немецкая пауза и обернулась «немецким чудом» - экономическим, но оказывается не только экономическим. Немецким - но ведь не только немецким...

Раз само слово звучит так - заклятием не то бранью - не жалуясь ни на какую германофобию, отдых дать на какой-то срок и самому слову «немецкий» - естественно, неизбежно возвращаясь к нему в силу очевидной и простой технической необходимости, учась прежде всего не называться, а быть... И вот «немецкий» снова звучит - и звучит не хуже никакого другого... Конкретно? Пожалуйста - вот немецкий цирк - конечно, а какой же еще?..

С конкретным этим звучанием свои проблемы - но со своими проблемами они справляются куда успешнее нас. Есть проблемы, и есть Понтер Валраф, год проведший в цветных контактных линзах и в шкуре «гастарбайтера».

А цирк - это цирк. В нормальном, мобильном цирке спокон веку рады «гастарбайтерам», тут их зовут гастролерами - ими-то цирк и жив. И конечно же такой цирковой цирк, как Ронкалли. Вот он, кстати, Ронкалли - безо всяких линз хоть и в гриме да с эдакими-то усами - итальянец итальянцем, какие могут быть сомнения: сам Пауль Бернхард: художник, постановщик, хозяин и душа дела. В таком именно неповторимом амплуа он и выступает на арене - и с успехом: душа - сразу видно, чуть не по-цирковому громоздкая, но явная душа, тут не ошибешься. Особенно, помню, не ошибались дети... В общем, совершенно по Твену: гладиатор Марк Марцелл Валериан - псевдоним для сцены, настоящая фамилия - Смит. Нам-то особенно смешно: нам-то что Марцелл экзотика, что Ронкалли, что Смит, что Бернхард... А знаете - тоже ведь не совсем: так да не так. Соображаю, как эстрадники или кукольники изображают иностранцев, и иногда удачно. Американцев, англичан, особенно охотно французов, тех же итальянцев, латиноамериканцев - а вот немцев что-то не помню. Не считая Штирлица да разоблачавшихся реваншистов, не получилось, похоже, какой-то популярной версии, четкой маски, клише национального стиля. Не очень, видимо, ощущаем мы такой немецкий стиль. Не потому ли, что слишком близкие они нам соседи - ближайšie на неславянском западе - уже почти что родня. А сколько немецких слов корней в языке, в быту - от тарелки до кнопки... Хоть язык не учить. Кого изображать, передразнивать

- самих себя почти что?.. И немецкий стиль, манера, предстает не так снаружи, как изнутри: качеством добротности, основательности - а их не так легко перенять, ухватить разом... Не знаю, как и сказать, какой стиль у Ронкалли - но стиль хорош. И Ронкалли-Бернхард взглядывает на нас: а, опять вы... Ну-ну... Только расслабился, а тут тебе с камерой... Фотограф Навиго делает свою работу - и отлично, по-моему, делает. Первый сорт - немецкая работа, тот самый случай... Работа в том, как можно понять, чтоб стал цирк зрителю окончательно близок - причем с изнанки, чтоб потолкался зритель и среди фургончиков. И захотел так не кто иной, как сам Пауль Бернхард.

Помню, теснились на душном пятачке среди этих фургончиков: больше в антракте податься было некуда - ни зрителям, ни артистам. На них таращились, и они поглядывали на нас - скажем так - не без юмора. Вот такое отдохновение; очень похоже, как на этих фото. Спор рекордов между спортом и цирком - прекрасно, но никакой спортсмен-рекордсмен не живет так. Тут работают как Тарзан, а живут как Чарли. И ухитряются устроить уют: на снимках это видишь. Возможно, не всюду помещают их как в Москве: мы-то знаем, как умеет наше начальство не ошибаться - вроде Лены с Сережей, только наоборот. И три года назад наши мастера портить жизнь были в большей силе. Но как бы ни было, фургончик есть фургончик - хоть с какой немецкой бытовой техникой.

Цирк искусство старое и мудрое. И на мой взгляд тема этой серии - как эти люди уживаются еще и с объективом, глазом камеры. Конечно, чье-то внимание - нагрузка привычная артисту, и даже желаемая, но внимание врасплох - что-то другое. По мне, так ближе к зрителю, чем на сцене, на арене, артисту быть все равно невозможно, а нажать на близость, форсировать сверхчеловечность - это уже побочное средство, вроде помпы наоборот. Изнанка - это страшно интересно, можно показать артиста врасплох, как он живет, но вся изнанка все равно только для одного: для лица. Лицевой стороны. Живет артист для номера, для работы - и попробуйте заставить его врасплох на арене... Словом, мне бы все-таки хотелось увидеть обе стороны - и лицевую. Увидеть и номер, артиста в номере: для этого я ведь, собственно, и пришел в цирк - как и все остальные... Хоть понятно, что не впасть в репортаж, стандартную афишу фотографу тут - дело мудреное.

Совсем начистоту если - не специалист я и по фото. Но я бы среди отличных этих снимков отличил особо человека в шезлонге. Как четко изображение вписано в кадр, так артист - в коридорчик «межфургонного», сказал бы Жванецкий, пространства. И втиснут, и вольготно расположился. Изящно даже. Не давая себя стеснить в такой тесноте. И на отдыхе, но и наготове - так умеют отдыхать кошки, животные из самых ловких, цирковых по природе - хоть и не по склонности, если не считать кулачевских. Но это человек, не животное. В его отдых вторглись, но спокойствию, достоинству не повредили, они сильней -

говоря проще, человек с юмором. И взгляд схвачен такой ненарочито выразительный, что взаимодействие, активную парность этих стенок, образующих щель, в которую человека, можно сказать, загнали, кажется, явно пересиливает другая пара, силовая линия точно поперек, перпендикулярная первой: дуэт или дуэль модель - камера. Как добротный, четкий цирковой трюк: и лаконично, и конструктивно, и предельно выразительно.

Отношения фотографа и фотографируемого, редкостно активизированные, выявленные всей конструкцией снимка - вот что здесь дорого, на мой взгляд. Отношения совершенно непосредственные и куда как непростые - и честные - очень интересные отношения. Врасплох - но и не больно врасплох: все-таки артист есть артист. В общем, может быть, Ронкалли с Навиго и видней. Тем более видней искусству Навиго. В итоге, может, все и на пользу. Все-таки Бернхард - душа цирка Ронкалли. А искусство и есть та хорошая работа, которая с душой. А фотограф и есть тот, кому видней, - такая профессия. Ну а Навиго - Навиго значит мореплаватель. Не по-немецки. Живет он, Навиго, в Гамбурге, снимает бесшумной «лейкой», и такой же он Навиго, как Ронкалли - Ронкалли. Или марктовеновский Марк Марцелл Валериан. Или как Бим-бом, Серж, Карац д'аш. Или Тэффи, Грин. Хармс - если вспомнить не одних людей цирка.

** Скажу, кстати уж, свое мнение - по-моему, вопрос ясен: наредкость: продажа риска для жизни как такового, риска как риска, должна запрещаться. Только продажа мастерства. Рынка риска, рыночной стимуляции риска не должно быть. Всюду, где это возможно технически, по условиям номера, должны быть сетки, лонжи - страховка. Не вынужденный риск в цирке недопустим. Причем мнения профсоюзов артистов спрашивать тут даже необязательно: такой здравый порядок в интересах не только артистов, но и публики, которой все-таки куда больше. Больше публики, чем подонков из публики, падких на чужой риск.*

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ ШИМОНА АТТИ

Но сначала пара слов о Восточном Берлине и Восточной Германии, которая отличается от Западной резче, чем Западная от России: в России в се д р у г о е и поэтому малосравнимое, а в Германиях наоборот - все такое же, родственное и сходственное, не сравнивать невозможно, и разница сразу на виду. В Дрезденском Нойштадте иногда, кажется, видишь ту же улицу, тот же дом, что в Бремене, но совершенно в ином состоянии. Не только в том дело, что на Западе немислимы поросль березок на карнизах и балконах, травка у крылечек и между камнями брусчатки или сама такая горбатая брусчатка или выбитое пустое окно по соседству с явно обитаемым. Не только в бедности и бедственности, при которой ремонт там был на прошлой неделе, а тут - 5 или 10 лет назад. А в том, что и сам ремонт тут был не такой: был евроремонт - и там, на Западе, родной брат этого дома уже 50 лет вообще живет по-другому. Так что если уравнивать теперь этих братьев, и одного надо теперь отремонтировать, то другого, западного - р е с т а в р и р о в а т ь. Но если можно реставрировать дом, то улицу - вряд ли, а весь город невозможно заведомо. Да и любая реставрация - натяжка уже поскольку она - поновление, и, значит, формально возвращая нам прошлую старину, не может и не разобцать с ней. Но это состояние живой обветшалости, которое мы застали в восточных городах, вызывает необыкновенное, острое, почти нереальное ощущение временного перепада - буквальной возможности путешествия во времени - на сколько-то десятилетий - туда или обратно.

Даже у нас вызывает - что же говорить о немцах, которые выросли в таких вот домах, на таких улицах... Хозяева наши, впервые попавшие в Дрезден и Лейпциг, по-моему, бродили вообще как во сне, как в немецкой сказке. (Попутно, на всякий случай, не лишнее наверно сказать, что вопреки давним стереотипам, нам попадались немцы почему-то на редкость чуткие, динамичные и островосприимчивые. И уж во всяком случае в чем-в чем, а в своей Германии немец толк знает.)

Это все к тому, чтобы понятней было, что такое для восточного берлинца его Восточный Берлин. Говорят так: именно восточные и восточный. Почему восточный - понятно: вышло, что после войны практически уцелело старое что-то только там. А почему немцы восточные - во всяком случае не по склонности к реваншизму, нацизму или социализму. От тех, кого видели, ничем таким, по крайней мере, не пахло. Очевидно, если и по пристрастию к консервации и реставрации, то не в политическом смысле. Скорей в культурном. И м.б. социальном. От старого же Берлина осталось меньше, чем от Москвы: война тут была злей, а власть - не лучше: уже в 70-е сломали

королевский дворец рядом с Александерплац и возвели на руинах дворца социализма - безнадежно бездарный (а не все отнюдь новостройки ГДР бездарны безнадежно). Сломав Стену, хотели было ломать и его, но, посчитав расходы, ломку отложили. В Москве в это время ломки были все же поменьше.

В общем, сегодня старый Берлин - почти только одни стены, закоулки, углы, окошки, кадры и специальные, отдельные ракурсы. Берлин как отдельный исторический город - не Ленинград, не Париж. Что и говорить. Но вот странность - кажется, чем меньше осталось этих стен и окошек старого города - тем активней они, острее ощутимы. Дома эти, и углы, чаще простецкие, иногда как бы и страшноватые, для нас - Берлин Набокова и Цветаевой, Ремизова и, конечно, Ремарка...

Кто знает, что будет с этими углами дальше, а я не знаю, что с ними уже и сейчас: текст выше написан в 92, а дописывается - в 96-м. Но сомневаюсь, чтоб можно было сохранить состояние - даже при всем желании, всем немецком умении и германских возможностях - а не факт, и что тут обязательно сойдутся все три фактора - и в Берлине не все идеально - но если и можно реставрировать памятник, то поди законсервируй воздух, который цепляется за старый камень.

(Вот как отнестись к нашим московским переменам? Т.е. в первом, самом общем приближении - конечно, хорошо. Безусловно. «Шестьдесят лет строят - и все черт строит» - говорил в 80-е знакомый писатель. Этот черт, когда любая перемена - только порча, когда казалось, что иначе и не бывает, когда хотелось из кожи лезть и горло грызть - чтоб только город не трогали - отступился. Строят так, сяк, но строит все-таки не черт на порчу нагло, а люди для своего удовольствия. Что там за удовольствие - другой разговор. Разговор, но уж не так чтобы в горло... Но вот случай - как раз рубеж эпох. Вроде бы уступка ч е л о в е ч е с к о м у ф а к т о р у, человеческой ностальгии, которой и живут старые города: Арбат. Законсервировали. Но разве это Арбат - то, что «законсервировали»? По-моему, это черту в конце концов осточертели всеобщие плевки на «Новый Арбат», вопиющую его наглость напролом, дешевку, хамство; он, черт, и показал, что знает не одну наглость, не хуже может и хитростью: вот так устроить, что пройтись по старым местам сегодня сам охотней пойдешь по «Новому Арбату», чем по «Старому»...)

Но к Москве, может, еще вернемся, а Восточный Берлин 92 во всяком случае гляделся подиковиннее даже Москвы начала 90-х - то ли правда был еще разоренней, то ли не привыкать нашей Москве (хоть и Берлин ведь не сказать баловень), но куски городской темноты вперемежку с участками самой лихой рекламной свистопляски заставляли тарачить глаза: да есть тут в этих - таких приличных - домах кто-то, кроме темени?..

«Стучись в любую дверь», не то даже «Войди в каждый дом» - текстуально этот слоган 50-х уже и не вспомнишь, но отзвук стука в нем все-таки

слышится. Кошмар какой-то а Campanella, коммунальная утопия. Есть такой тип путешественника - хлебом его не корми, но позови, действительно, в дом или дай заглянуть хоть в окошко. И даже хороший тип, наверняка положительный, но для меня, например, - непонятный. Я старый неврастеник-горожанин, и не знаю, что люблю больше - утром пройтись по лесу или вечером по городу. Заодно, смотрю, с многими другими. За что по лесу - тут ясно. А по городу?.. Наверно, вот за то самое: я - как все; я - сам по себе... Как сказал первый, наверно, и гениальный неврастеник Ф.М.Достоевский хоть и от лица г-на Голядкина. Но и от себя явно. За что любишь город - за свою от него независимость. Он сам, ты - сам по себе. Так?

Так, да не совсем. Он, конечно, нужен тебе - не то от кого же будешь ты и независим... И с людьми, и с дверьми, и с окнами, мимо которых так рад проходить, рад ты и пообщаться, непрерывно, оживленно - именно таким вот игнорированием.

А без них, конечно, - не то... Без них - что-то другое. Ведешь боковым зрением по свету окошек, витрин, по таким же, как ты, проходим, как палочкой по забору, и не думаешь о них, но за этим-то звуком, ритмом импульсов на самом деле наверно ведь ты и вышел, пошел пешком - чем ехать остановку-другую...

«Человечество// Все-то лечится / Оно от чего-то // Не от электричества ли?» Не исключено, конечно, что и от электричества, но так или иначе, а за сотню лет уже столько нас так и не вылечилось, что просто нельзя не признать - практически, наверно, за редкими исключениями электрический свет нам - то же, что насекомым: безусловный аттрактант, как скажут энтомологи. Свет ярче дневного - потому, что это свет в темноте. Образ света вообще, универсальный обобщенный образ человеческого жилища, человеческого присутствия. Самой жизни. Да не то что образ, просто уже ощущение, родившееся раньше нас: и уют наш, что ни говорить, ведь уже давно электрический. Дома и нормально освещены снаружи и сами полнятся, светятся изнутри, живя своей жизнью.

Идешь на свет, проходишь по свету, и хороший тебе кусок темноты - как велосипедисту полоса холода в речной низинке. Иное дело ночной, спящий или заведомо пустой город. Но в живом вечернем такая темнота - не просто отсутствие света, а отсутствие активное, значимое, резко ощущаемое. Присутствие темноты. Это ненормально. Или наоборот сказать: тут явно нету кого-то. Не просто нет и нет. Нет: тут кто-то отсутствует.

Шимон Атти смотрит, где света меньше и стенка постарше - точней, поближе к 20-30-м годам - и проецирует на нее фотографию той эпохи. В идеальном случае проецирует на то же самое место в том же масштабе и под тем же углом. Проецирует реально, светом проектора. Как и наш Франциско

Инфантэ, не трогая само изображение, избегая всякой колажности. И делает новую, свою фотографию, документ: что получилось на натуре. Светографию. Свою светографию своего же светостроительства - своим светом снаружи вызывая свет обитания, свет изнутри, этим светом - т о т: проектору стенка - экран, он освещает стенку и что угодно, но экран разве освещен? Экран СВЕТИТСЯ.

Если он экран. Из стенки, скажем так, получилось окошко. Серия, альбом этих снимков и называется FINSTERE MEDINE - Окна Медины - название этого квартала - еврейского квартала в довоенном Берлине, догитлеровском. В Берлине до Холокоста.

Вот это кто здесь отсутствует. Не кто с 89, с 78 - по-настоящему отсутствуют те обитатели, кто отсутствует с того самого 33 или чуть позже - но отсутствует насильственно, вопиюще. Они-то уж отсутствуют, так отсутствуют - сгнули, замучены, уничтожены планоно. Кто изгнаны, тем здорово повезло. Свет их-то жилищ, обличия и вызывает из этих стен Шимон Атти. Автор предисловия к FINSTERE MEDINE Айке Гайзель одобряет отсутствие ностальгической трогательности: правда, сами по себе эти старые фото, насколько можно судить, совсем не идиличны - есть даже фото полицейского рейда, налета 21 года на квартиру - но культурного налета: под окнами квартиры рядом стоят шницмань, стоят бургеры - жители, во всяком случае - тут они сняты в 21, сюда они и спроецированы через 70 лет.

Скорей всего, однако, фотографии взяты не хроникальные и не сентиментальные, а просто какие были. Как, конечно, и ни в каком специальном урбанизме, эффектах ночного освещения снимки эти неповинны: сами снимки дневные, самые обычные. Просто такая тут техника, способ осуществления этих работ - понятно, что при дневном свете проектор=волшебный фонарь картинку на стене не покажет; но и фонарь не виноват, что он волшебный: сама природа этой техники такова, она и есть тот самый свет в темноте, который так на нас действует - и вряд ли слабей действовал в 20-30-е годы...

(А какой, правда, была вечерняя жизнь «Финстере Медины» - района «Шойненфиртель» - «Квартал сараев» /вообще-то нам бы таких сараев.../ около Александерплатц в те времена? При нас в 92 - никакой, почти как и дневная: то дом пустой, то пусто на месте дома... Криминалом вроде не пахнет, фонари горят, но для Европы - сильно слабо. Сосед по парте принес открытку: автомобили-комоды, вывески, огни: шик-Берлин, 20-е годы. 50-й, и нашей улице Гурького до открытки далеко... Но то был, конечно, не Шойненфиртель - небось, Фридрихштрассе... А где ехали на велосипедах под дождем и тоже при огнях из школы мальчишки Лаутензаки? Не знаю: в Берлине были мы всего около суток, да и Фейхтвангера читал я все-таки давно.)

Но как тут может быть без ностальгии этих людей, вернувшихся спустя

столько лет к этим своим Scheupen - «сараям»- и световыми тенями прикипших к их стенам благодаря этим фонарям - темноте, какую эти фонари все же оставляют?.. Ностальгия по городской родине и городскому свету слабей, что ли, всякой другой? Не знаю; другой я не знаю. Не думаю: а такую знаю, помню и войну, и голод-холод, тьму и эвакуацию - но знаю все-таки эвакуацию, а не лагерь уничтожения. Просто «ностальгия» не совсем тут то слово. Действительно. Нет слова для ностальгии убитых. Как и Rührung, ностальгише рюрунг, ностальгическая трогательность, растроганность впрямь тут не подходит. Иная степень силы - пронзительность: эти с трудом различные образы пронизывают родные стены, выступают из них совершенно непреложно, в силу природы самой техники художественного приема, поразительно совпадающей здесь с природой самой истории, с ее смыслом для нас. С ее пафосом.

И учительница умница Астрид, поводившая наутро нас по Берлину, после чтения стихов в той самой галерее опять же Scheunenviertel, достав откуда-то, вручила нам по буклету прошлогодней выставки FINSTERE MEDINE Шимона Атти в этой же галерее без долгих комментариев. Сами, дескать, увидите и сами убедитесь. И присутствовавшие немцы кивнули.

Конечно, с ними мы не одни такие в истории - каких только кошмарных событий она не видела. И чем невыносимей был кошмар реальных событий, тем притягательней становились они по мере того, как становились именно историей событий.

Это и видим, как раз это и застали. Тот самый момент, процесс - с ним-то и работает Шимон Атти, когда заставляет сюжет работы завораживать нас заодно со светом волшебного фонаря. От этой страшной сказки не оторвешься. Но человек не насекомое и не животное: он не в состоянии глядеть и глядеть в точку бесконечно - это уже будет каталепсия. И когда не может оторваться от чего-то, принимается искать в этом чем-то смысл - и тут-то и счастье и наше, и Шимона Атти, и Германии.

Потому что мучиться-искать тут не надо. Если будет еще кому знать историю и рассказывать-глядеть-слушать сказки лет через 100-200, то у этой страшной истории, сказки-правды, похоже, все шансы стать любимой историей человечества - у нее обозначается невероятно ясный сюжет и просто потрясающий смысл. И редкостно счастливый конец - если только можно так сказать про историю, где столько убитых.

Человеку из России, где убитых так или иначе много больше, а ясности и смысла меньше неисозмеримо, эта новая Германия и ее история как изделие настоящей немецкой работы особенно бросается в глаза еще и потому, что секрет, сам инструмент этой работы весь на виду. Он в принципе всегда был известен, прост просто до смешного. Называется честность. Наш советский геноцид беспредельней; немецкий регулярней, целенаправленней. Какой из них

страшной и преступней?

Религия, понятно, не сказки - история хотя и подавно. Знающие люди рассказывают, что немецкий лютеранский Бог - Бог честности и справедливости, тогда как наш, скажем, или у католиков - Бог милосердия. И, похоже, соответственно своему конкретному Богу Германия заимела дьявола того конкретнее - Холокост. За 50 лет и такой дьявол способен, наверно, в чем-то да оболваниться, но факт тот, что за эти 50 лет этот дьявол и этот Бог действительно понаделали тут чудес. Так что, похоже, за верность Богу честности, нелегкую нехалтурную немецкую работу над своей текущей историей обратил-таки лицо к ней, Германии, и Бог милосердия и всепрощения... Не к нам, хоть считается он наш как будто знакомый...

Тут, когда шла самая обработка, ремонт и выправление истории, была определенность. Известно было и слово покаяние, но в ходу-в работе был ясный термин - конкретный технически и не такой благозвучный:
д е н а ц и ф и к а ц и я.

Совершенно не по-нашему ведь, не по-русски, верно?

*на войне как на войне
в детстве как в детстве*

*и присягать не присягал
а погибаться
все равно погибался*

старое и разное

война и старое

коллеги

из ящика

разное

* * *

Даровая моя
больница
Дорогая моя
война

Моя больная мама

Идет война голодная

Большая яма
Больше чем я

Великая
Отечественная
Война
Иосифовна

Война
ой воняла

Иосифовна
родная страна

я не думаю
что я все это
пройду
снова

даже если ты
и скажешь мне
слово

даже если ты
и скажешь мне
слово БАМ

даже если ты
и скажешь мне
слово БАМ
и амба

* * *

вот тебе и мать
зато как светло
как это понимать
что ли что и этот
свет
проклят
и погаснет

а пока
свет

за советской
занавеской

с музыкой
Дунаевского

блеск

а посмотреть
сразу
там и мать
мать
матьматьматьмать
матерьматерьматерь
родина

сыра земля

и никакого метро

а война
вон она

* * *

Льву Кропивницкому

выпустили свет
 на свежий воздух
 выпустили всех нас
 на свет
 наконец-таки
 сейчас только
 и поосвещаться
 это счастье
 это что сейчас
 фонари горят
 смотри говорят
 все по лавочкам сидят
 и на лампочки глядят
 (пока по карточкам едят)
 освещаются
 и обещаются все
 не забывать
 счастье есть
 есть счастье есть
 вообще есть счастье *
 вообще
 в Москве
 в электричестве
 и в сливочном масле

и электричество
 увеличивается
 и увеличивается

иллюминация
 администрация
 кульминация
 цивилизация
 галлюцинация
 Третьяковская галерея
 не война вольно
 ноль часов ровно
 бой часов спи больше всё
 равно всё больше чем ноль
 часов всё больше и больше

* До войны жили
 не удивительно
 вот а вот
 а после войны
 сплошное было
 что
 спасибо большое
 совершенно небывалое
 что-то
 выдающееся достижение
 жить
 мне сейчас
 и тебе тебе еще
 счастье

* * *

(Из Ленинградского цикла)

Воля ваша

Страшноватая
Все-таки наша страна(Еще бы
белые ночиНо еще
и черные дниОгни как бы
Какие там тогда
Могли быть огниБольшого города
Какого-нибудь
Желтого дьявола
Какие могут быть
города
и имена могут быть
Именно
Какие угодно
Имени Горького
Имени Харькова

Именно

<<—> Кирова
<<—> Культуры Отдыха
<<—> Оперы и Балета
<<—> не одного
так другого
имени
иимени
Голода

имени
Холода

Города
имени Ленина)

Москва столица страны
А Ленинград столица войны

Но война была ведь мало ли где
Везде война вроде

Ну а в Ленинграде Нева

Сева

Нева Нева По словам мамы

* * *

Петербургские углы
И фигуры

В снегу

Снег булочный *

А свет
молочный молочный
мучной
мощный
вкусный
съестной

Типичный Блок

В общем

И дом
и тот блочный

* И более ничего

и еще мало
нам его
намело намело

на два

на три четыре
миллиона

Не сволочи мы

* * *

уже и споры пошли
кто же был
хуже

гитлер сталин здесь
сталин гитлер там
сталин гитлер здесь
там

гитлер это сталин тогда
сталин это гитлер сейчас
и в то же время
гитлер это сталин сейчас
сталин это гитлер тогда же
и даже так

stalin ist hitler dort
отъявленный сталинист гитлер
hitler ist stalin hier
заслуженный гитлерист сталин
stalin hitler hier
stalin dort
да черт

гитлер
это сталин вчера
а сталин
черт этот
это гитлер сегодня
сталин и гитлер и сталины гитлеры
сапоги мозги гитлеры это сталины
вчера
сегодня
и завтра

мерзавцы они мерзавцы мерзавцами
а мы не мерзавцы у нас мерзавцы
мерзавцами и не называются

кто хуже был
кто это нам
теперь скажет-то

кто был хуже

поспорим лучше кому
хуже

на что
спорим
спорим на будущее
спорим же
что нам тут
хуже пришлось
больше досталось

жили хуже кто
наверно уж мы
хуже жили
пострадавшие кто
тоже ведь мы
больше

/хотя понятно
поляки в польше
и того больше
всё из-за той же
сталин-гитлер-гипер-гитлер-ост-вест-
джугашвили-шикльгрубер-политики/

и мы-то и победили
бедовали бедовали

действительно
и

но
как

за каждого
из ихних
своих наших
троих
если не четверых
положив

и хорошо если двух
в живых оставив
из каждых ста
от звонка
до звонка
отвоевавших
так
какая же тогда это победа

победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа побед а
победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа побед а
победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа победа
победа победа победа победа

5 лет

10 лет

15

и 20

и 25 лет

и 30

и 40

и скоро 55 лет

победа победа победа побед-

до

последнего

да после этого

что ли для победы война

да она

подлая

если

для чего-то была

то

для одного

чтоб
ее
не было

подобная победа уже
похоже
ужо себе
похуже будет
выходит
и подороже выйти может
быть
и потяжелей
другого типа уже
и поражения

нет
а мы-то
в войне-то мы
победить-то мы в войне победили
то-то и оно
но

разгромить
в мире

так
как это они нас разгромили

милые мои

вы
только взгляните

◇ *

была а ?

а стала

не родина войны
а сердцевина европы

страшная мировая
была

стала

общая

братская

такой стал прямо свой брат
немец

так
тоже не сказать
не совсем
не обязательно
что это свой такой брат
сосед сосед есть сосед

просто если есть
место
с какого нам бы
как бы *более кстати*
боку
было бы
прирастать

к человечеству

все-таки
если опять прирастать
надеяться
стараться как бы
как встарь

если так
так это ведь
здесь

где-то
по соседству

* фир фюнф
зехс и зибен
зитцен зи
и

представляете себе
германия
аня
я

и германия
я и говорю
я
это как будто не я это
а это как будто

карл иванович шустерлинг
из петершуле

я попрошу

я
попрошу

was ist
это тут
у вас

опять
борис гройс

(прости господи

когда германия
да такая хорошая
da сколько
уже
50 лет
больше
да если господи
ты даже и такую германию
тоже не спасаешь
а попускаешь
фокусы покусы
шахер махер виссеншафт

то
всё

у нас-то уж тут
nicht und schwach
basta
что ты

господи)

ну просто уже
ни каких шансов

* * *

Филиппу Феликсу Ингольду

Hei

ein zwei drei
vier funf sechsPhili pp *
Feli x

AKZENTE

Ingold

Etkind etc и т.д.

т.е.:

блатная тому подобная музыка
знакомые незнакомые лица
организации и

с ними.

* ррх эффект,
который случается,
если АКЦЕНТ
(по-русски ударение, усилие)
выполняют слишком усердно.

(1983)

(К слову: X, Y, Z

Идет жизнь

и дает возможность

под некоторые выражения

уже подставить значения.

Кляйне пример -

но крайне характерный пример -

Франкфуртер Альгемайне

на Майне:

Айн цвай драй Гройс Цахес Пуфф

унд Блиц

Шпрингов

ZEITUNG =

не туда ZET)

(1990)

* * *

Мы благодарим: общество им. Карла Хофера (круг ревнителей высшей школы искусств в Берлине /Западном/). Сенат по вопросам культуры Берлина (Западного). Институт международных связей в г.Штутгарте. Художественный фонд в г.Бонне. Высшую школу искусств в Берлине (Западном). Отдел культуры посольства Федеративной Республики Германии в Москве. Сименс АГ. Шеринг АГ. Целину и Хайнера Бастиан. Дойче Кредит унд Хандельсбанк АГ.

Никита Алексеев, Сергей Ануфриев, Сергей Волков, Свен Гундлах, Вадим Захаров, Ирина Нахова, Дмитрий Пригов, Никола Овчинников, Дезире Баумайстер, Андреа Зундер-Плассман, Марио Радина, Ретс, Вернер Цайн, Лиза Шмитц, Энцо Энцель, Иосиф Бакштейн.

Гости: Сергей Воронцов, Костя Звездочетов, Владимир Чекасин, Владимир Тарасов, Андрей Монастырский, Паша Пепперштейн, Борис Гройс, группа «Вежливый отказ», Владимир Сорокин приглашают

Выступают: представитель посольства Федеративной Республики Германии в СССР Ульрих Ролоф-Моммин, президент высшей школы искусств в Берлине (Западном)

Борис Гройс, искусствовед.

, на полном серьезе

(текст афиши выставки «ИСКУНСТВО» 89 с единственным небольшим добавлением)

буштабен нюзпейперс
 бакштейн пепперштейн
 проказники
 маргышка
 козляж как жанр
 задумали сыграть
 ва в банк
 дойче банк
 во бартер
 в оба гляди
 спонсор
 пеппер цептуалист
 гройс гройс колоссаль
 айн маль

нох айн маль
 еще нох айн маль
 ой нахальные
 ну и нахальные малые

Boris Groys \1
 Boris Groys
 Boris Groys
 Boris Groys
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « «
 « « на полном полном серьезе

(либо Борис Гройс
 либо борисгройс
 под фамилиями
 с вашего разрешения-с
 хотя бы Симон скажем *
 Шульман-с
 и Гибель-с

* координаторы литературной части программы «Берлин в Москве» /май-июнь 96/ - Симон, Шульман и Гибель.)

1/ & His Master's Voice

Иозеф Б (Бакштейн)
 плюс Б (Борис) Гройс
 ист нихт Иозеф Бойс

найн найн найн найн
 ни
 ни
 ни в коем разе

не бойся Бойса

а если бойся
 так горе-Бойса

бойся Бори Гройса

* * *

ну вы и новые
новые борзые
новые новые
но и не новые

ну вы и ну
и дорогое же
у вас это ваше
искусство
во
во

во орава
КЛАВА
во радости
ничего ничего

ничего
орава в систему
живо выровняется
было бы криво

в Пригова
поиграв поиграв
Пригова тут
Пригова там
Пригова Пригова Пригова

и не говори

я и говорю

в Пригова
поиграв поиграв

и пригово
Пригову
и олегово
Пригову

(олегово
Олега Васильева)

* * *

фигурировали фигурировали

Дима Пригов
Тима Кибиров

как водится
и Володя Сорокин

и как водится
кто не Володя Сорокин
тот ким са мол

* * *

маргинальный
андерграунд
в авангарде
вроде как

и выходит так

в андерграунде
контркультура

контркультура
интегрируется

как в Санктпетербурге
интертекстуально

вот врут-то
и ведь всё врут

и андерграунд
не маргинальный
(а маргинальный
тогда он не авангард)
и не андерграунд он
да и культура не контр
никакой

и дорогие мои
дорогие мои
не интегрируется

не интегрируется
и не интегрируется
и скоро сорок лет как
фиг *
интегрируется

* Пригов

вот он интегрируется

кооперируется

с каким-нибудь там
другом своим
вроде Бори Гройса

Кончается
начальство

И начинается
нахальство

Нахальство

И нахальство отчаянное

Альманах

Мы нахалы

Умные
Хитрые

Но нахалы

Ай -я-я-яй
Альманах

* * *

Честное слово

такой сталин мне начинает нравиться

(Сергей Митрофанов /журнал "Пушкин N 3/)

Истинно говорю

а мне - нет.

(Всеволод Некрасов /частное высказывание/)

* * *

что такое

да кто же это такой

немзер

это не эпштейн

слушайте

скажу

ну знаете

что

и на том
спасибо конечноно этого
еще недостаточно

* * *

тихо

тихо

и хоть Сергей

хоть Дмитрий Сергееч

* * *

эхо вы
москвы *

это эхо
покуда вы только такой звук
бунтмана

и тут
благ

и тут
был
бунтман

/1992/

* (см. «Пакет», главу «Собеседники»)

* * *

Следуя Бахчаняну

Бедный
Честный
Неизвестный
Энергичный
Интеллигентный
Интересный
Жизнерадостный
И трудоспособный

* * *

«Вы слышали:
Гришин член плен»
(Сатуновский)

Этого ничего нет
А теперь
Рейн член пен
Эпштейн чуть не член
Об чем и речь
Сапгир точно член
И Андрей Сергеев
Член пены клуба

* * *

игрюшки книжки
какие ишь
какие наши делишки

какие ишь у нас
иргюшки
и пригушки

скажите

хотите жить

хотите жить

хотите жить

умейте ирдеться

* * *

ты,

свинья

извиняюсь

коллега

а коллега

а я-то

это ведь не моя

а именно что это

твоя

проблема уже

причем

чем дальше

тем больше

как же как же

ты мне покажешь

как это тут так меня нету

да

я тебе ты

это я тебе

покажу

делать эти жесты

не я буду

но я
буду
увидишь

я
может и не увижу

уввижу уже не я

нет
а показать

уж это я
покажу

так сказать
одна радость
так и сказать

мразь
а мразь
авось я
не последний некрасов

и вот со следующим
типа
некрасовым
в дальнейшем вашем там
как вам быть
вот как
вот может быть
авось
типа
лишний раз
вы и подумаете

лишний ли
нелишний ли раз

вы
не вы
типа

хотя и мразь вы распоследняя вы
а и вы ведь
не последняя мразь
увы увы
увы
и увы

следуя Тучкову

у всех свой норв
у нас свой норв
у вас свой норв
господин Сорос

но у вас
есть
столько всяких долларов
сэр

* * *

И империя
Империя страсти
К информационной ой власти
Страсти Господи прости
Господина Гусинского
И не единственного
Типа
Господина Гусинского

То есть
Гой еси?
Гой гой.
Гой еси.

* * *

не мочалка
а божий волос

противопоставление
но и сопоставление

как Елена Курляндцева
так и Александр Исаевич
Солженицын

ваши
выступления как же

наши
впечатления
типа и поздравления

* * *

курицын и дети
курицын и дети

курица не птица
курица не птица

елена курляндцева
елена курляндцева

* * *

международный
преступник всех мастей
сергей станкевич
(честное ленинское-сталинское
всех вождей
под салютом)

* * *

пытка не попытка

это
не политика

международный терроризм
не альтернатива
мировому сообществу

хитрые дураки
отнюдь не новые
какие-то тут
политики

а все те же
самые кадры

(кадры кадрами
так тому и быть
но не надо говорить
профессионалы
не партия
как будто их воспитала
и подбирала

как будто партия
когда-нибудь отбирала
кого-нибудь
не как-нибудь там
а по профессиональному признаку)

* * *

весь свет
весь
бомонд
омон
конституционный суд
посткоммунистический быт
аннексим банк
мост банк
постмодерн
трансполком
абсурд
менатеп
кредит
~~диабет~~
апшегит
спорт
своего рода
I am
ай ай
эм эм эм
эм
целый ряд способов
телевидение
где наша

не пропадала
надежда
и опора
опера и балет
синод
сенат
и сурат

* * *

эпштейн эпштейн
рейн рейн
напор напор
пошел пошел
пиши пропало
пеший и конный
шум
пена
пенка
клуб
комильфо фоменко
и кто пархоменко
энтвесное кино
некто малашенко
парфенов
и елена курляндцева
да
мы дамы и господа
называется

* * *

«- Чацкий - болтун!..»

(Народный тоже наш-то
думал он, думал)

* * *

ладятся
дела
делаются
делишки
плодятся
благополучно
успешно
гусенки
поросенки
и птюнчики
начальники
кончики
кусочки
какашки
провокашки
а что
шуточки
денежки
корешки
вершки
крепьши
наши
пригушки
парфенчики
и иртюшки

* * *

пламенный сукин сын
александр минкин

умненький сукин сын
бунтман

основной сукин сын
истинный сукин сын
господин гусинский
/если что то раз и свалит отсюда сам-то
(явное НТВ хамство 6/1 98)/

* * *

букер бякер
букермекер
антибукер интернет
и тебя нет
а кто
есть
кто
есть
тимур кибиров

и ах
какой у нас альманах
энтесный
и ой
какой
гигантский
какой гигантский гандлевский

и масса
масса средств
масса средств
и масса средств
массовой информации

* * *

нет я не вру *
это итересно

но интересно
почему я не вру

потому не вру
что это не в русском
национальном
характере

* но явно нервничаю

* * *

чего надо-то
ась

русскую идею

в действительности
то есть нет
идеи-то есть

есть

врать не надоть

а ведь
это идея

воровать не надоть

и ведь опять

это ли не идея
идея

да и правда ведь
и гадить не надоть

надо полагать

идеи
куды тебе

и идеи
идеи
одна одной
русее русее
все русей
русей и русей

* * *

«- Из глубины России
выйдет формула * национальной идеи...»

может хватит
дурака-то валять

это ли не вывод
формулы
не из глубины
тогда откуда-нибудь хоть
хоть куда то
и формулы
едва ли хуже любой
формулы

* А то есть формула
Не пойман - не вор
Чем не формула

* * *

секес
накось
всякая пакость

так себе

не так
советская власть
как самая ее главная суть

блат
наглость

такая все тут у нас
неприятность

не коммунистическая партия
так коммунистическое воспитание

а уж что-нибудь тут
да всегда так

Отечество В Опасности

Опасность
В Защитниках Отечества

следуя Сергееву

это когда было
когда
были легендарные командармы
и бомбовозы

а это уже когда был
и халхин гол
и хайль гитлер был
и был
промфинплан

* * *

данке шон
да уж какой данке шон

дали ему покушать а он
наш
так он как
он покушать покушал
и хорошо покушал
и пошел
и пошел и пошел

уж как унижен он
уж как уж он
оскорблен у нас
ужасно
ужасно

ну уж дайте
давайте дайте ему
еще попробовать
какого-нибудь
унизительного
оскорбительного
покушать
вкусного такого же кушанья
унизиться ему оскорбиться
ослабиться ему поскорбеть
оскорбить и расслабиться

этому
такому знакомому тут
униженному уж
оскорбленному аж
во всех советских светлых самых своих
лучших русских чувствах

/1990/1991/

* * *

всё
так как-то

так всё-таки
как

по-советски
или по-человечески

по-
нац-
спец-
русски

или уж наконец
по-людски

* * *

и миру бы
такой бы тут

мир
был
мои милые

1. «...Всю Европу (*
За три перехода...»
2. «По всей Америке
Построим мы дома
Обыкновенные дома
Дома культуры»

на два года тогда
хлеба хватит (**

советский ты человек

ты

тебе весь свет

весь свет виноват

виноват что есть ты на свете

хоть как

но все-таки

не нету тебя

спрашивается

а кто

на это напрашивается

50 - 60 - 80 лет

напрашивается на неприятности

чтобы раз

и всё

и нету

ни вас ни их

ни нас ни тебя нету

по всей вероятности

нет

а ведь не только Европы

*) песенки 60-х: 2. самодеятельная

1. подготовленная профессионально

**) реплика Эрика

* * *

граждане
дожили

Джугашвили
Шикльгруббер

шик
блеск

блеск и шик
и группа товарищей

группа товарищей
и сопровождающие их
лица

* * *

/Следуя Сухотину/

дактили дактили
так тире так
тучки небесные
сталин и берия

каганович
ворошилов
молотов
и риббентроп
на вершине мавзолея

как пример хорей

* * *

да какой
эксперимент
был эксперимент
а это практика нам
практика мира
и при этом
это практика МИРА

другой разговор
мир не пример

некоторым

как например
нам

/такой разговор был/

война

а на фиг
она нужна
дедушка

и советский человек
пойми наконец

ну чем ты лучше
чем ты лучше
чем немец ты

или мы
в состоянии войны

и в состоянии ли мы
и быть
в состоянии
чего-либо иного

(это в общем
а в частности

почему еще и чечня
часть россии)

* * *

так и только так
ходить так ходить
круто
танк на танк
танк на танк
труп на труп
труп на труп
через труп так через труп
через танк так

так
а
так
а танк
так не ходит

не так глуп танк

танк
не ходит через труп танка

* * *

величие величие
во
и более ничего

величие
и величие
до потери приличия

величие чье
видимо ядерное
да и ядерное
видимо краденое
ай да родина моя
вроде как
и видимо так
вроде как
а вы говорите

и демократия

как по всей видимости крайне
крайне темное дело

не почему-нибудь
что-нибудь

а по-видимому
по-прежнему
по-подлому все
потому что

* * *

видишь

это что

видишь

это фашист

а слышишь

чисто как

фашист

как фальшивит

как большевик

* * *

вот

и вот нам и прошлое

вот

и вот оно вот и прошло

вроде того

вот

и вот и пришло

это самое

настоящее

самое настоящее время

а было
будущее

оно было лучше

* * *

Т А К

на трех китак

КИТ КИТОМ
взаимно питается

И ПОТОМ
местами меняется

так полагается

это

сексот
сектант
и сексучка

во всяком случае
сексучая
революционность

* * *

стыд
срам и оборона

оборона оборона

оборона

оборона
оборона
оборона
оборона
оборона
оборона наоборот

* * *

стыд и срам

мы сравниваем

* * *

брат Покрасс

да брат Покрасс
баста
стыд
страм
страх
мрак и кошмар

чертям
тошно

что ж

а детям
смешно

* * *

О это О

О

О

О

О красивый правдивый
народный свободный
великий могучий

в одну

кучу

хоть бы в будущем
еще там было кому
читать писать на нем
великом могучем

великому и могучему

короче

чем могу

помогу

хоть помолчу лучше

а сказать

может

и то

думаю

уж как-нибудь

я скажу

не хуже вашего по-русски

* * *

йесытыз йесытыз
мызамир мызамир *

дизайн дизайн

дерзаем

дерзаем

рубль деньги
рубль деньги
янки дудл денди

* мы за мир
как вы наверно
заметили

* * *

россия
есть
россия
не есть
россия
здесь
сейчас
и предстоит
выяснить

выяснялось
и выяснялось
и выяснилось

выяснилось
россия
и есть
россия

здесь
сейчас
отчасти
по всей видимости
в силу еще
и чисто практической
необходимости

* * *

народ и некто *

народ и некто
электорат

* некто
или кто

* * *

как-то

это как
дурак
или как

или кто
народ
или кто

только не народ
только не дурак

а кто дурак
так электорат

* * *

не смотря ни на кого
одинаково
не смотря ни на кого
что

все будет хорошо
все будет хорошо
все будет хорошо
вопреки всему

почему
собственно

* * *

вот как тут быть
вот как быть
вот
как бы
тебе сказать

не как
быть или не быть

как бы нет

а как
быть как люди

* * *

чем россия не страна
чем москва не город

это
долгий разговор
долгий разговор

странный
у нас разговор
странный

собственно говоря
собственно говоря
это не разговор

вообще
это еще неизвестно

/долгий разговор
в другой раз/

* * *

а
по отношению

по отношению
к билету

по отношению
к батону

ну а кто
по отношению к доллару

по отношению видно

* * *

разговоры разговоры
образы
образы
врага

а разговоры
разговоры
в пользу богатых

* * *

Господа
Господа

Господа
Гандлевский
Гусинский

* * *

москва москва
москва
морская
морская

как раз и думаю
иду я
иду

и не на фиг

а велика фигура петра

* * *

светочудеса-чудеса

вот седьмое чудо света
это чудо света

вот осьмое чудо света
это чудо света

девятое чудо света
это чудо света

десятое чудо света
а это
смета
на осьмое и девятое и девяносто девятое
чудеса света

и это все
у нас
здесь
в москве

* * *

пост банк
мост модерн
стоп
машина

сказал
кстати сказать
пушкин

в смысле хармс

и так и сказал

* * *

вопросы есть *
нет
есть
вопрос
сколько можно?

* вопросов нет

а спонсоры
есть?

и поросенки
есть?

есть.

поросенки
есть поросенки

* * *

Владимиру Соломоновичу Библеру

где родился
тут ты
и пригодился

годится

вроде как
ага

а гордиться

удастся
соорудить
чего-нибудь

чего не очень стыдиться
будет
и погордиться
авось
чем
если очень захочется

вот
а покуда гордиться
приходится погодить
погодить типа
придется тут
пока
так
как-то

* * *

не капризничай

упришь упришь
а не вредничай

и не подходи ни к кому
ни по русскому
ни не по не русскому принципу

типа

и ни по еврейскому признаку

* * *

последняя куча
россиной дурости

серьезно думаете

бы
неплохо

дай Бог

* * *

и приходится

признавать

типа

приходится

признаваться

да

нет

это было поспешное

похоже это было

неосторожное выражение

непозорная россия

приходится

подаваться назад

* * *

вот

и приезжает в страну

хоть вот и советов

видит

что происходит

и тут

стоп

не что происходит

видит вот

а насколько соответствует

* * *

Москва Москва Москва

а все

как-то

есть
такое чувство

какое-то
московское чувство

что
совестно

* * *

Господи ты Боже ты мой
кто же против-то
никто и не думает
что кто-нибудь
может быть
как-то против Европы

просто может быть
еще и в том дело
в том
что не вся Европа
в Европе

в каком-то случае

* * *

несть
ни эллин ни иудей

несть
ни эллин ни иудей
но есть
идея

нет ни эллина
ни иудея

есть великий русский народ богоносец

Федор Михайлович Достоевский

Владимир Ильич Ленин

Иосиф Виссарионович Сталин

Лазарь Моиссеевич Каганович

* * *

держава держава держава держава
держава держава держава держава
держава держава держава держава
держава не выпускава

(1982)

* * *

держава держава держава держава
держава держава держава держава
держава держава держава держава
держава держава держава держава
да и не выдержавала

(1992)

* * *

и на бедного слона
вся советская страна
кубарем упала

безусловно *
безусловно **
безусловно ***

*/безусловно кубарем
**/безусловно на бедного
*** /безусловно советская

* * *

жизнь *

а не пора ли уже
и честь знать **

* раз есть
такая возможность

** если есть
такая возможность

* * *

да глупости это все

глупости
а не господь бог

* * *

какой я Пушкин

я кто
Некрасов

не тот Некрасов
и еще раз не тот

не хвастаюсь я
а хочу сказать

с вас
и такого хватит

* * *

(И просто так
просто так

Всё в порядке?

Всё в порядке)

* * *

может нет
а может
и будет

а может
и ничего

а чего так

а ничего
так

стих
типа
типа стих
с расчетом

а может
может

может
поможет

а может ведь
и черт его знает
чего-то

типа
еще может быть

бог прочтет
и простит

ПОСЛЕ КНИГИ

У Всеволода Некрасова есть одна крепкая ось, - даже не ось, а своя свая, - которая во многом держит и объясняет наш общий опыт существования в культуре последних сорока лет. Эта ось, ось географическая, проходит через специальные "некрасовские", территории, - неизбежные как "Амаркорд" для Феллини, точки постоянного возвращения.

Лианозово и Германия, после Москвы, вместе с Москвой, с Москвой посередине составляют участки и акты нескончаемой драмы, параллельно проживаемой и документируемой автором на протяжении многолетней практики в искусстве. Автор-персонаж в дороге, в электричке - из Москвы к Лианозовским баракам и картинам Рабина и в Москву обратно, впервые за границу из Москвы в Берлин, Гамбург, Бохум, в немецкие земли - и снова в Москву - заново отыскивает и опробует конкретное живое слово.

"Кричать и разговаривать" нечем было... А как хотелось: еще бы... Не сотворять... - открыть, понять, что на самом деле. Отрывать, отвалить - остался там еще кто живой, хоть из междометий". "Речь идет о фактичности, конкретности речи", обретаемой в Лианозово, через Лианозово и дальше, благодаря дружественным немцам-переводчикам, сближающим неожиданно русские и немецкие речевые находки.

Некрасовскую драму, и книгу о Германии, как часть этой драмы, выражаясь по-теперешнему, можно было бы назвать "Торе от вранья" - от фальши, фальсификации в искусстве. В ней, кроме акцентируемых самим автором повторов, принципиальную структурную, визуальную нагрузку несет сносок, уточнение, исправление и выпрямление намеренно искаженных ситуаций.

Неслучайно поэтому метафора ремонта - языка, речи, городского пространства - одна из смыслообразующих: "будто взять, прикрыть ремонт на обед - и лады, и хватит больше ремонту, надоел..." Дальше, к ремонту же относящиеся:

"выверяется речь, и разница не между жестом, мимикой (для глаза) и интонацией (для слуха), не между "авангардом" и остальными, а разница между "Иваном Денисовичем" и "Матрениным двором". Там что ни фраза - и проблема, и решение проблемы, и все доказывается здесь же, в тексте. А "Двор" - его опять уже изволь брать на веру." И о другом: "... И в Берлине не все идеально - но если и можно реставрировать памятник, то поди законсервируй воздух, который цепляется за старый камень..."

Некрасов - опытный ремонтник - знает цену сопротивлению материала. И "Дойче бух" - убедительное тому доказательство.

Елена Пенская

ДОЙЧЕ БУХ	1
Экспортимпорттекст	2
DeutshlandReise I	10
DeutshlandReise II	37
АЗАРТ НИХТЗАЙНАРТА ИЛИ ХРОНИКА	64
Хроника	65
Приложение	90
РАЗНОЕ И СТАРОЕ	96
Цирк и фото	97
Волшебный фонарь Шимона Атти	103
старое и разное	109
/война и старое	
коллеги	
из ящика	
разное/	
<i>Послесловие. Елена Пенская</i>	170

1870

1870

Всеволод Некрасов
«Дойче Бух»

Дизайн Юлия Радошовецкая
При участии Галереи Марата Гельмана

«Век XX и мир»
Москва
Малый Гнездниковский переулок,
дом 9, стр. 3Б

тел. 095-2299686
факс 095-2321431

тираж 500 экз.

Москва 1998

- © Всеволод Некрасов, 1998
- © «Век XX и мир», 1998
- © Галерея Марата Гельмана, 1998